

От автора всемирного бестселлера
«БОЛЬШАЯ МАЛЕНЬКАЯ ЛОЖЬ»

Девять совсем незнакомых людей

Роман
удивительно
хорошо написан,
а сюжет необычайно
хитроумный...

Booklist

В увлекательном романе Мориарти
для каждого что-то найдется.

Daily Telegraph

и

Лиана Мориарти

Лиана Мориарти

Девять совсем незнакомых людей

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

Мориарти Л.

Девять совсем незнакомых людей / Л. Мориарти — «Азбука-Аттикус», 2018

ISBN 978-5-389-16777-3

Новый роман от Лианы Мориарти с захватывающим сюжетом и с привлекательными и эксцентричными персонажами. Могут ли десять дней на курорте изменить тебя навсегда? Девять человек приезжают в лечебный пансионат. Одни – чтобы похудеть, другие – чтобы попытаться изменить свою жизнь, а также те, кто понятия не имеет, зачем они здесь оказались. Роскошная обстановка, внимательный персонал, правильное, здоровое питание, медитации и физические упражнения... Но никто из них даже представить себе не мог, что им придется не только пересмотреть свой образ жизни, но и бороться за выживание, что в эти десять дней они окажутся на краю гибели.

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-16777-3

© Мориарти Л., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Лиана Мориарти	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	43
Глава 8	48
Глава 9	54
Глава 10	58
Глава 11	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Лиана Мориарти Девять совсем незнакомых людей

Liane Moriarty
NINE PERFECT STRANGERS

Copyright © Liane Moriarty, 2018
All rights reserved

Перевод с английского Григория Крылова
Оформление обложки Виктории Манацковой
Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Г. А. Крылов, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

* * *

*Кати
и отцу
с огромной любовью*

*Ты считаешь, что ты – беда,
Но ты – лекарство.
Ты считаешь, что ты – замок на двери,
Но ты – ключ, которым его отпирают.*

Руми

*Стоило мне только обнаружить смысл жизни, как его изменили.
Джордж Карлин*

Глава 1

ЯО

– Я в порядке, – сказала женщина. – Я в полном порядке.

Яо не казалось, что она в порядке.

Шел первый день его работы стажером-парамедиком. Его третий вызов. Яо не нервничал, но постоянно находился в состоянии максимальной концентрации: он не мог позволить себе даже малейшей ошибки. Еще в детстве собственные неудачи вызывали у Яо безутешные рыдания, и до сих пор осознание промаха скручивало желудок узлом.

Капелька пота скатилась по лицу женщины, оставив улиточный след на макияже. Яо задался было вопросом, почему женщины так любят красить лица в оранжевый, но это явно не имело отношения к делу.

– Я в порядке, – сказала она с легким восточно-европейским акцентом. Может, какой-то скоротечный вирус.

«Подмечай все, что касается твоего пациента, внимательно изучай его и все, что вокруг, не упускай ни одной детали, – говорил Яо его наставник Финн. – Считай себя секретным агентом, собирающим диагностические улики».

Яо изучал грузную женщину средних лет с удивительными глазами цвета морской волны, подкрашенными пронзительно-розовыми тенями, и тонкими, как паутинка, каштановыми волосами, собранными в жалкий узелок на затылке. Бледная кожа покрыта холодным потом, дыхание прерывистое. Застарелый запах табака выдает заядлую курильщицу. Большая шишка, если считать свидетельством корпоративного статуса размер роскошного углового офиса с огромными окнами и открывающимся из них видом на гавань. Семнадцатый этаж, паруса Сиднейской оперы так близко, что можно разглядеть каждую из белых и бежевых керамических плиток облицовки.

Ладонь женщины лежала на компьютерной мыши. Она просматривала почту на огромном мониторе, не обращая внимания на докучливых парамедиков. Будто они всего лишь ремонтники, зашедшие починить неисправную розетку. Сшитый на заказ синий деловой костюм выглядел неудобным, жакет был явно мал ей в плечах – не костюм, а попытка.

Яо взял свободную руку женщины и прицепил ей на палец пульсовой оксиметр. На предплечье лоснилось красноватое шелушащееся пятнышко... Предрасположенность к диабету?

– Маша, вы принимаете какие-нибудь лекарства? – спросил Финн.

С пациентами наставник разговаривал по-приятельски свободно, словно за барбекю, со стаканом пива в руке.

Яо заметил, что Финн всегда называет пациентов по имени, тогда как сам он стеснялся такой фамильярности. Что ж, если так пациенты становятся разговорчивее, придется научиться справляться со своей стеснительностью.

– Я вообще никаких лекарств не принимаю, – сказала Маша, не сводя взгляда с экрана компьютера, решительно кликнула мышью и только после этого посмотрела на Финна; глаза у нее были такие, словно она одолжила их у какой-то красотки, и Яо решил, что она носит цветные контактные линзы. – С моим здоровьем все в порядке, так что извините, что отняла время у «скорой», которую даже не вызывала.

– «Скорую» вызвала я, – вмешалась очень хорошенькая темноволосая молодая женщина в туфельках на высоком каблуке и в узкой юбке в клетку, рисунок которой изящно сочетался с узором облицовочной плитки Оперного театра за окном. Юбка смотрелась превосходно и фор-

мально была одной из тех деталей, которые Яо следовало подмечать. Впрочем, явно незначительной в данную минуту. Девушка грызла ноготь мизинца. – Я ее личный секретарь. Она... – Девушка понизила голос, словно собралась сказать о чем-то постыдном. – Она сперва ужасно побледнела, а потом упала с кресла.

– Я не падала с кресла! – отрезала Маша.

– Она как бы соскользнула с кресла, – поправилась девушка.

– Просто у меня вдруг закружилась голова, – сказала Маша Финну. – А потом я сразу же вернулась к работе. Мы не могли бы побыстрее закончить с этим? Я с удовольствием оплачу вам выезд по преискуранту, или как вы там берете за свои услуги. У меня, конечно, персональный страховой полис, но сейчас просто нет времени для всего этого. – Она обратилась к помощнице: – В одиннадцать встреча с Райаном, да?

– Я отменю.

– Кажется, я услышал свое имя? – произнес появившийся в дверях посетитель. – Что тут происходит?

Развязной походкой в комнату вошел молодой мужчина в пурпурной рубашке в обтяжку. В руках он держал несколько папок и говорил с сочным британским акцентом, словно член королевской семьи.

– Ничего не происходит, – сказала Маша. – Садись.

– Маша сейчас не может никого принять! – воскликнула несчастная секретарша.

Яо проникся к ней сочувствием. Он не любил легкомыслия в том, что касалось здоровья, и считал, что его профессия заслуживает большего уважения. А еще он испытывал сильную неприязнь к пижонам с модной укладкой, позерским акцентом, хвастающих накачанными грудными мышцами, обтянутыми тесной пурпурной рубашкой.

– Нет-нет, Райан, садись! Это не займет много времени. Я в порядке. – Маша сделала нетерпеливый жест в сторону кресла.

– Маша, давайте я хотя бы измерю ваше давление. – Яо набрался смелости и наконец-то назвал пациентку по имени, одновременно накручивая ей на руку манжету.

– Сначала нужно снять жакет. – Голос Финна звучал шутливо. – Вы деловая женщина, Маша.

– Но мне и в самом деле необходимо ее разрешение по этим проектам, – обратился молодой человек к секретарше, понизив голос.

«А мне в самом деле необходимо проверить жизненные показатели твоего босса, сукин ты сын», – подумал Яо.

Финн помог Маше снять жакет, услужливо повесив его на спинку кресла.

– Давай посмотрим эти документы, Райан. – Маша поправила пуговицы на шелковой блузке кремового цвета.

– Мне нужны только подписи на двух первых страницах. – Молодой человек протянул ей папку.

– Ты что, издеваешься?! – всплеснула руками секретарша.

– Приятель, вам нужно зайти в другой раз, – сказал Финн с нескрываемой резкостью.

Парень было отступил, но Маша щелчком пальцев подозвала его к себе. Райан тут же скакнул вперед и передал ей папку. Машу он явно считал более грозной, чем Финна, а это кое о чем говорило: парамедик был крепким парнем.

– Это займет четырнадцать секунд максимум, – сказала она Финну.

На слове «максимум» в голосе Маши прорезалась хрипотца.

Яо, все еще держащий манжету тонометра, посмотрел на Финна.

Голова Маши склонилась набок, словно женщина внезапно задремала. Папка выскользнула из пальцев.

Женщина рухнула головой на стол, руки повисли, как у марионетки.

– Вот! – торжествующе проговорила секретарша. – Так она и упала тогда!

– Господи! – Парень в пурпурной рубашке отступил. – Ничего себе!.. Прошу прощения...

Я только...

– Давайте-ка, Маша, положим вас на пол, – сказал Финн.

Парамедик ухватил ее под мышки, Яо взял за ноги, крикнув от усилия. Очень высокая женщина, понял он, гораздо выше его самого. Не меньше шести футов, и тяжелая. Вдвоем они уложили ее на бок на серый ковер. Финн свернул жакет и подсунул ей под голову.

Левая рука Маши, одеревеневшая и неуклюжая, как конечность зомби, застыла над головой, кисти судорожно сжаты в кулаки. Как и прежде, она втягивала воздух резкими толчками, тело ее при этом оставалось неподвижным.

Это был приступ.

Зрелище не самое приятное, но Яо знал: нужно просто дождаться, когда он закончится. На шее Маши не было ничего, что Яо мог бы расстегнуть или снять. Он осмотрел пространство вокруг: удариться головой тут не обо что.

– Раньше с ней такое случалось? – спросил Финн.

– Нет. Хотя... было что-то вроде обмороков. – Секретарша наблюдала за происходящим расширенными от ужаса глазами, но отвести взгляд не могла.

– Значит, приступов не было? – уточнил Финн.

– Не знаю.

Девушка потихоньку отступала к двери кабинета, где уже собралась небольшая толпа. Кто-то снимал на мобильник, словно приступ босса был чем-то вроде рок-концерта.

– Начинай массаж сердца. – Взгляд Финна окаменел, став совсем невыразительным.

На мгновение – не больше секунды – Яо замер, пока его мозг пытался осмыслить случившееся. Он навсегда запомнит этот миг тупого непонимания. Яо знал, что остановка сердечной деятельности может сопровождаться симптомами, сходными с симптомами эпилептического припадка, но совершенно забыл об этом, потому что был абсолютно убежден в правильности первоначального диагноза. Это было ошибкой. Если бы не Финн, Яо так и сидел бы на корточках, наблюдая за женщиной с остановившимся сердцем. Так летчик, доверившийся приборам, ведет неисправный самолет к катастрофе. Доверившись сегодня своему разуму – казалось, точнеешему из приборов, – Яо совершил ошибку.

После двух разрядов дефибриллятора они так и не смогли получить устойчивый сердечный ритм. Полная остановка сердца произошла у Маши Дмитриченко в тот момент, когда ее выносили из углового кабинета, в который ей не суждено было вернуться.

Глава 2

Десять лет спустя

ФРЭНСИС

В жаркий безоблачный январский день Фрэнсис Уэлти, в прошлом популярный автор любовных романов, в одиночестве ехала на северо-запад через буш в шести часах от Сиднея.

Перед глазами гипнотически разворачивалась черная лента шоссе, а кондиционер работал вовсю, выдувая в лицо арктически холодный воздух. Небо гигантским голубым куполом раскинулось над крохотным одиноким автомобилем. На ее вкус, неба было слишком уж много.

Она улыбнулась, вспомнив одного из брюзгливых обозревателей «Трип эдвайзера»¹: «И тогда я позвонил на ресепшен и попросил более низкого, более облачного, более уютного неба. Женщина с сильным иностранным акцентом ответила, что другого неба у них нет! И она говорила очень грубо! **НОГИ МОЕЙ БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ. ПУСТАЯ ТРАТА ДЕНЕГ**».

Фрэнсис пришло в голову, что она, вполне возможно, близка к помешательству.

Нет, ни к чему такому она не близка. Она в порядке. Абсолютно в своем уме. Это правда, которая не подлежит сомнению.

Не отпуская руля, она несколько раз согнула и разогнула кисти рук, чтобы размять запястья, моргнула сухими глазами за стеклами солнцезащитных очков и зевнула до хруста в челюстях.

– Ой, – вырвалось у Фрэнсис, хотя больно ей не было.

Она вздохнула, глядя в окно в поисках хоть чего-то, способного разрушить монотонность ландшафта. Все такое суровое и неприветливое. Кругом одно и то же: жужжание мясных мух, скорбные крики ворон и раскаленное до белизны немилосердное солнце. Вот уж воистину бескрайняя выжженная земля.

Ну же. Покажи мне корову, урожай, сарай. Я вижу что-то, начинающееся на...

На «Н». Ничего.

Фрэнсис поерзала на сиденье, и поясница отозвалась такой болью, что на глазах выступили слезы.

– Господи! – жалобно проговорила она.

Боль в пояснице началась две недели назад, в тот день, когда Фрэнсис наконец смирилась с тем, что Пол Дрэббл исчез. Она набирала номер полиции и пыталась сообразить, как ей назвать Пола – женихом, бойфрендом, любовником или близким другом, – когда почувствовала первый укол. Конечно, Фрэнсис понимала, что боль психосоматическая, но легче от этого понимания не становилось.

Даже странно, что зеркало отражало все ту же белую и мягкую поясницу. Она не удивилась бы, увидев устрашающее переплетение узловатых древесных корней.

Часы на приборной доске показывали без трех минут три. Поворот мог появиться в любую минуту. Когда она звонила в «Транквиллум-хаус», чтобы забронировать номер, то договорила, что приедет между половиной четвертого и четырьмя, и пока никаких незапланированных задержек не случилось.

¹ Сайт, специализирующийся на советах путешественникам, авторами сайта являются сами пользователи. – *Здесь и далее примеч. перев.*

«Транквиллум-хаус» представлял собой «первоклассный оздоровительный велнесс-пансионат». Это заведение Фрэнсис рекомендовала ее подруга Эллен.

– Тебе нужно подлечиться, – сказала Эллен после третьего коктейля (превосходный белый персиковый «Беллини») за ланчем на прошлой неделе. – Дерьмово выглядишь.

Эллен очищалась в «Транквиллум-хаусе» три года назад, когда она тоже выгорела, истощилась, потеряла форму и...

– Да-да, я тебя понимаю, – откликнулась Фрэнсис.

– Оно такое... необычное, это место, – сказала Эллен. – У них совершенно оригинальный подход. Он меняет жизнь.

– И как именно изменилась твоя жизнь? – резонно спросила Фрэнсис, но ясного ответа так и не услышала. В конечном счете все свелось к белкам глаз Эллен, которые стали по-настоящему белыми, просто пугающе. К тому же она потеряла три килограмма! Эллен особо подчеркивала этот факт, хотя никакой потери веса «Транквиллум-хаус» не обещал. Пансионат специализировался на велнесе, но какая женщина будет жалеть о потере трех килограммов? Уж точно не Эллен. И не Фрэнсис.

Фрэнсис отправилась домой и нашла пансионат в Интернете. Она никогда не была склонна отказывать себе в чем-нибудь, никогда не мучила себя диетами и редко говорила «нет», если хотелось ответить «да». По словам ее матери, первым алчным словом Фрэнсис было «еще». Ей всегда хотелось еще.

И все же фотографии «Транквиллум-хауса» неожиданно наполнили ее странным желанием. Залитые золотистым светом, все они были сделаны на восходе или на закате или просто пропущены через соответствующие фильтры. Люди (обнадеживающе не первой молодости) застыли в боевых позах среди белых роз на фоне красивого сельского дома. Пара релаксирует в одном из «природных термальных источников». Головы запрокинуты, глаза закрыты, на лицах обоих блаженные улыбки, а вокруг бурлит и пузырится вода. На другом снимке женщина наслаждается массажем горячими камнями на шезлонге у бассейна, в котором плескалась аквамариновая вода. Фрэнсис воображала, что эти горячие камни лежат в восхитительной симметрии на ее собственной спине, волшебным теплом растворяя ее боль.

Она мечтала о горячих источниках и мягкой йоге, когда на экране возникло срочное послание:

Осталось всего одно место для эксклюзивного десятидневного курса
полного преображения тела!

Фрэнсис почувствовала глупый азарт и кликнула по ссылке:

Зарезервировать сейчас.

На самом деле она не верила, что место действительно последнее. Тем не менее она чертовски быстро – на всякий случай – ввела сведения о своей кредитке.

Похоже, за эти десять дней она и правда «преобразится», «как и представить себе не могла». Там будет голодание, медитация, йога и креативные упражнения для освобождения от ненужных эмоций. Не будет ни алкоголя, ни сахара, ни кофеина, ни глютенa, ни молочных продуктов, но поскольку у Фрэнсис еще свежи были воспоминания о дегустационном меню в «Четырех сезонах», где она напичкала себя алкоголем, сахаром, кофеином, глютенom и молочными продуктами, мысль о разлуке с ними уже не казалась такой мучительной. Блюда будут персонализированы под ее уникальные потребности.

До того как резервирование было подтверждено, Фрэнсис пришлось ответить на очень длинную и довольно неприятную анкету с вопросами о ее семейном положении, питании, состоянии здоровья, потреблении алкоголя в предыдущую неделю и так далее. Она бодро наврала ответы. Все это их совершенно не касается. Ей даже пришлось загрузить свою фото-

графию. Фрэнсис послала ту, где они за ланчем с Эллен в «Четырех сезонах», с «Беллини» в руке.

Фрэнсис отметила в предложенном списке услуг – от интенсивных консультаций для пар до значительной потери веса – те, которые ей понравились, например духовное питание.

Как это часто бывает в жизни, идея на первый взгляд казалась просто отличной.

Отзывы о «Транквиллум-хаусе», которые она просмотрела *после* того, как перевела платеж, оказались весьма противоречивыми. Одни посетители были в полном восторге: писали о никогда прежде не испытанных ощущениях и желали дать отелю больше пяти звезд, причем выше всего оценивались еда, горячие источники и персонал. Другие, наоборот, говорили о худших днях в жизни, посттравматическом стрессе и угрожали судебным преследованием.

Фрэнсис еще раз посмотрела на часы, надеясь, что время перевалило за три.

Прекрати. Сосредоточься. Глаза на дорогу, Фрэнсис. Ты за рулем.

Уловив периферическим зрением какое-то движение, она вздрогнула, готовая к сильному удару. К тому, что кенгуру влетит к ней через разбитое ветровое стекло.

Ничего. Все эти воображаемые столкновения с дикой природой существовали только в ее голове. Чему быть, того не миновать. Времени на то, чтобы среагировать, у нее все равно не будет.

Она помнила давнюю поездку с бойфрендом. Они увидели умирающего эму, сбитого посреди автострады. Фрэнсис осталась на пассажирском сиденье, пассивная принцесса, а ее парень вышел и добил беднягу камнем. Одним сильным ударом по голове. Когда он вернулся на водительское место, то был потен и возбужден, этот городской мальчишка, воодушевленный сознанием собственной крутизны. Фрэнсис никогда не простила ему этот потливый восторг. Ему понравилось это убийство.

Фрэнсис не была уверена в том, что сможет добить умирающее животное – даже теперь, когда ей пятьдесят два, она финансово обеспечена и слишком стара для роли принцессы.

– Ты смогла бы убить эму, – произнесла она. – Запросто.

Господи! Она только что вспомнила, что этот ее бойфренд мертв. Постой, точно мертв? Да, определенно. Слухи об этом дошли до нее всего несколько лет назад. Предположительно осложнение после пневмонии. Гэри постоянно мучили простуды, а Фрэнсис никогда ему особо не сочувствовала.

В этот самый момент из ее носа потекло, как из крана. Ничего не скажешь, очень вовремя. Одной рукой Фрэнсис держала баранку, а тыльной стороной другой утирала сопли. Отвратительно! Надо полагать, это Гэри мстил ей из могилы. Впрочем, вполне справедливо. Когда-то они вместе путешествовали и притворялись влюбленными, а теперь она даже толком не помнит, жив он или нет.

Она попросила прощения у Гэри, хотя если бы он и в самом деле знал ее мысли, то понимал бы, что она не виновата. В ее возрасте он и сам бы убедился, как мысли теряют четкость, а память становится все слабее. К счастью, не всегда.

Гэри, иногда моя голова еще неплохо варит.

Она снова шмыгнула носом. Казалось, что эта жуткая простуда мучит ее даже дольше, чем боль в пояснице. Разве она не хлюпала носом и в тот день, когда привезла свою рукопись? Три недели назад. Ее девятнадцатый роман. Она до сих пор ждала ответа издателя. Давным-давно, в конце девяностых, во времена ее расцвета, редактор в течение двух дней отправил бы ей шампанское и букет цветов с запиской: «Очередной шедевр!»

Фрэнсис понимала, что ее лучшие дни позади, но все еще считала себя крепким середнячком. Хвалебное письмо по электронке не помешало бы.

Или хотя бы дружеское.

Или хотя бы строчку насмешки: «Извините, пока никак, но вся в нетерпении!» Это было бы вежливо.

Страх, который она отказывалась признавать, пытался проползти в ее подсознание. Нет. Нет. И в помине ничего такого.

Фрэнсис сжала баранку и попыталась успокоить дыхание. Она принимала таблетки от простуды и гриппа, от псевдоэфедрина ее сердце колотилось как сумасшедшее, словно предчувствуя что-то чудесное или ужасное. Это напомнило ощущения, которые она испытывала, идя к алтарю в дни обеих своих свадеб.

Вероятно, она все же подсела на эти таблетки от простуды и гриппа. В ней вообще легко поселялась любая зависимость. Мужчины. Еда. Вино. Да она прямо сейчас выпила бы бокальчик вина, пока солнце еще высоко. В последнее время она пила – не запойно, конечно, но явно с большим энтузиазмом, чем обычно. Она оказалась на скользкой дорожке, катится к наркомании и алкоголизму! Как хорошо знать, что она все еще способна круто меняться. Дома Фрэнсис ждала полупустая бутылка пино нуар, беззастенчиво стоящая на письменном столе – пусть все видят (видела только уборщица). Она была настоящим Эрнестом, мать его, Хемингуэем! У Хэма, кажется, тоже болела поясница? Короче, масса общего.

Вот только Фрэнсис питала слабость к прилагательным. Она разбрасывала их по своим романам, как декоративные подушечки. Какую там цитату Марка Твена все время бормотал себе под нос Сол, читая ее рукопись, – бормотал громко, чтобы она слышала? «Как поймает прилагательное, сразу убей его».

Сол был настоящим мужчиной. Он не любил прилагательные и декоративные подушечки. Фрэнсис часто вспоминала Сола в своей постели: как он шутливо ругался, вытаскивая очередную подушечку из-под ее головы и швыряя в угол комнаты, а она только хихикала. Фрэнсис тряхнула головой, прогоняя эту картину. Приятные сексуальные воспоминания она воспринимала как очко в пользу первого мужа.

Когда в жизни Фрэнсис все было хорошо, она обоим своим бывшим мужьям не желала ничего, кроме счастья и отличной эрекции. Но сейчас она накликивала на их седые головы все казни египетские.

Она пососала кончик большого пальца правой руки – больно порезала его кромкой бумаги. Время от времени палец начинал пульсировать, напоминая, что даже самый мелкий из ее недугов способен отравить день.

Машина выехала на неровную часть дороги, и Фрэнсис, вытащив палец изо рта, обеими руками ухватилась за баранку. «Оп-паньки!»

Ноги у нее были довольно короткие, так что сиденье приходилось придвигать как можно ближе к рулю. Генри говорил, что вид у нее такой, будто она за рулем детской машинки в парке аттракционов. Ему это нравилось. Но по прошествии пяти, что ли, лет он уже не считал это милым и вечно ругался, когда ему приходилось отодвигать сиденье, садясь за руль.

Ей тоже лет пять нравилось, что он разговаривает во сне.

Внимание!

Дикий пейзаж остался позади. Наконец-то знак. «Добро пожаловать в Джаррибонг. Мы гордимся званием ЧИСТЫЙ ГОРОД».

Фрэнсис отпустила педаль газа, и стрелочка спидометра остановилась на разрешенных пятидесяти милях в час – такая скорость казалась до нелепости медленной.

Она крутила головой, разглядывая город. Китайский ресторан с выцветшим красно-золотым драконом на дверях. Станция техобслуживания – кажется, закрытая. Здание почты из красного кирпича. Винный магазин, в котором можно купить бутылочку, не выходя из машины, – вроде бы работающий. Совершенно ненужное, кажется, полицейское отделение. На улицах ни души. Город, может, и чистый, но выглядит совершенно постапокалиптическим.

Она подумала о своей последней рукописи. Действие в новом романе происходило в маленьком городке. Это тоже был маленький городок – один из многих, ничем не приукрашенный в своей мрачной реальности. Не очаровательная, созданная ее воображением приютивша-

яся в горах деревенька с теплым многолюдным ресторанчиком, в котором пахнет корицей, и – самое удивительное! – с книжным магазинчиком, предположительно прибыльным. Критики правомерно называли бы роман слащавым, но рукопись, вероятно, не отдавали на рецензию. К тому же она никогда не читала рецензии на свои книги.

Значит, вот он какой – старый добрый Джаррибонг. Прощай, маленький грустный чистый город.

Она нажала педаль газа и посмотрела на стрелку спидометра, вернувшуюся к сотне. На сайте было сказано, что нужный поворот в двадцати минутах езды от Джаррибонга.

Она увидела впереди еще один знак. Прищурилась, наклонившись над баранкой, и прочитала: «„Транквиллум-хаус“ – следующий поворот налево».

Она сделала это. Провела шесть часов за рулем и не свихнулась. Настроение у нее резко улучшилось, но тут же упало, потому что теперь ей уж точно придется довести дело до конца.

– Через один километр поверните налево, – приказал навигатор.

– Я не хочу поворачивать налево через один километр, – меланхолично ответила Фрэнсис.

Она вообще не планировала оказаться в этом полушарии в это время года. Она собиралась вместе со своим «близким другом» Полом Дрэбблом быть в Санта-Барбаре, чтобы калифорнийское зимнее солнце грело их лица, пока они шлялись по винодельням, ресторанам и музеям. Она должна была проводить долгие неспешные дни, знакомясь с Ари, двенадцатилетним сыном Пола. Слушать, как он хихикает, обучая ее какой-нибудь адской компьютерной игре. Друзья Фрэнсис, у которых были дети, смеялись и глумились над ней, но она и правда хотела научиться: сюжетные линии казались ей насыщенными и сложными.

В памяти всплыло молодое серьезное лицо того детектива. С детскими веснушками. Он записал все, что она рассказала, царапающей бумагу шариковой ручкой, ужасным почерком, без всяких сокращений. Писал он с ошибками. И не мог выдержать ее взгляда.

При этом воспоминании Фрэнсис неожиданно бросило в жар.

Унижение?

Возможно.

У нее закружилась голова. Пробрал озноб. Ладони на руле моментально стали влажными.

«Стоп, – сказала себе Фрэнсис. – Ты должна немедленно остановиться».

Она включила поворотник, хотя сзади не было ни одной машины, и остановилась на обочине. Ей хватило здравого смысла включить аварийную сигнализацию. По лицу ручьями струился пот. За считанные секунды рубашка промокла насквозь. Фрэнсис принялась оттирать от тела влажную ткань, убрала прилипшую ко лбу прядь. Ее трясло.

Фрэнсис чихнула, и боль в очередной раз пронзила поясницу. Боль была такой эпической силы, что она начала смеяться сквозь катившиеся по лицу слезы. О да, Фрэнсис явно съезжает с катушек.

Сильнейшая волна стихийной, первобытной ярости захлестнула ее. Фрэнсис принялась молотить кулаком по кнопке клаксона, закрыла глаза, запрокинула голову и начала кричать в унисон с гудком, потому что ее измучила эта простуда, в спине будто торчала раскаленная спица, а сердце было разбито, к чертовой матери, и...

– Эй!

Она открыла глаза и резко отпрянула.

По ее стеклу энергично постукивал незнакомец. Фрэнсис увидела машину, тоже со включенной аварийкой, припаркованную на противоположной стороне дороги.

– С вами все в порядке? – прокричал он. – Помощь нужна?

Бога ради! Планировалось, что это будет ее приватная минута отчаяния. Как неловко! Фрэнсис опустила стекло.

На нее смотрел очень крупный, неприятный на вид, неухоженный и небритый мужик в джинсах и футболке с выцветшей эмблемой какой-то древней музыкальной группы на внушительном пивном животе. Возможно, один из тех серийных убийц с пустошей. Хотя технически здесь была никакая не пустошь. Наверное, он приехал сюда с пустоши в отпуск.

– Машина сломалась? – спросил серийный убийца.

– Нет, – ответила Фрэнсис, выпрямилась, провела рукой по влажным волосам и попыталась улыбнуться. – Спасибо. Я в порядке. Машина в порядке. Все в порядке.

– Вы здоровы? – На лице незнакомца появилось легкое отвращение.

– Да, – сказала Фрэнсис. – Ничего серьезного. Всего лишь простуда.

– Уж скорее настоящий грипп. Вид у вас очень неважный, – протянул он и нахмурился, оглядывая ее машину. – Вы кричали и давили на гудок, как если бы... попали в беду.

– Да, – сказала Фрэнсис. – Понимаете, я думала, что одна. Просто у меня... был нехороший момент.

Она старалась не показывать недовольства. Перед ней был законопослушный гражданин, который поступал как полагается. Он сделал только то, что сделал бы на его месте любой.

– Спасибо, что остановились, но я в порядке, – любезно сказала она с самой милой, самой умиротворяющей из своих улыбок. Крупных незнакомых людей посреди безлюдной дороги следует умиротворять.

– Ну хорошо. – Человек разогнулся, кряхтя и упираясь руками в бедра, но потом постучал костяшками пальцев по крыше машины и снова наклонился. *Я мужчина, я лучше знаю, как оно есть.* – Слушайте, вы не слишком больны, чтобы ехать? Потому что если вы не в том состоянии, чтобы вести, то представляете опасность для других, и я не могу с чистой совестью позволить вам...

Фрэнсис выпрямилась на сиденье. Вот ведь привязался. Ну, получай.

– Это прилив. У меня климакс, – сказала она.

Человек побледнел.

– Вот как! – Он внимательно взгляделся в нее, помолчал. – Я думал, это называется «климактерий».

– Я уверена, что право на существование имеют оба термина, – объявила Фрэнсис.

Это был уже третий случай. Она много читала, говорила со всеми знакомыми ей женщинами старше сорока пяти и два раза посещала своего терапевта, крича на приемах: «Мне никто никогда не говорил, что будет так!» В настоящее время за ее состоянием постоянно наблюдали врачи, она принимала пищевые добавки, сократила потребление алкоголя и острых блюд. Ха-ха!

– Значит, с вами все в норме, – проговорил человек и оглядел дорогу, словно ища помощи.

– Правда, я в совершенном порядке, – сказала Фрэнсис; поясница дружески кольнула, но Фрэнсис постаралась не поморщиться.

– Я не знал, что приливы бывают такими...

– Драматичными? Ну, так везет не многим.

– А разве... Как это называется? Гормонотамическая терапия?

Господи боже!

– Можете мне выписать что-нибудь? – веселым тоном спросила Фрэнсис.

Человек чуть отступил от машины, подняв обе руки:

– Прошу прощения. Я просто подумал: наверное, поэтому моя жена... Да нет, не мое дело. Если все в порядке, то я поехал дальше.

– Отлично, – сказала Фрэнсис. – Спасибо, что остановились.

– Не за что.

Он поднял руку, начал было говорить что-то, явно передумал и двинул к своей машине. На спине его футболки расплывались темные пятна. Не человек – гора. Слава богу, решил, что не стоит тратить время на изнасилование и убийство! Наверное, предпочитал менее потных жертв.

Она смотрела, как мужик усаживается в машину и выезжает с обочины. Перед тем как скрыться из виду, он приложил палец к виску.

Фрэнсис дождалась, пока его машина не превратилась в маленькую точку, потом взяла с пассажирского сиденья чистую одежду, припасенную как раз для такого случая.

«Менопауза? – неопределенно спросила ее восьмидесятилетняя мать по телефону с другого конца света, с юга Франции, где теперь жила в полном довольстве. – Нет, не думаю, что мне это доставляло много беспокойства. У меня все это началось и закончилось за одну неделю, насколько мне помнится. У тебя наверняка будет то же самое. Не было у меня никаких приливов. Если честно, я считаю, что это миф».

«Так», – подумала Фрэнсис, вытирая полотенцем обильный «мифический» пот.

Она подумала, не послать ли ей фотографию своей помидорно-красной физиономии школьным подружкам – некоторых из них она знала с детского сада. Теперь, когда они отправлялись куда-нибудь пообедать, симптомы менопаузы обсуждались с таким же живым ужасом, с каким когда-то – первые месячные. Ни у кого не было таких жарких приливов, как у Фрэнсис, значит она брала на себя чужие грехи. Как и все в жизни, реакции на менопаузы определялись их характерами: Ди сказала, что пребывает в постоянной ярости и если ее гинеколог в скором времени не согласится на гистерэктомию, то она возьмет этого маленького говнюка за шкуру и шархнет о стену; Моника радовалась интенсивности собственных эмоций; Натали беспокоилась, не усиливает ли менопауза ее тревожность. Зато все они соглашались с тем, что это очень похоже на их подругу Джиллиан – умереть, чтобы отмазаться от климакса, после чего лили слезы в бокалы с итальянским вином.

Нет, она не собирается отправлять эсэмэски подружкам, потому что вдруг вспомнила, как на последнем обеде, оторвавшись от меню, ясно прочла на их лицах: «Бедняжка Фрэнсис». Она не выносила жалости. Это они, состоявшие в надежных браках, должны были завидовать ей. И они успешно изображали зависть все эти годы, пока не оказалось, что быть бездетной и незамужней после тридцати совсем не то же, что после пятидесяти. Это уже не гламур. Это теперь что-то вроде трагедии.

«Это только временная трагедия», – говорила она себе, надевая чистую блузку с глубоким вырезом.

Она бросила потную рубашку на заднее сиденье, завела машину, посмотрела через плечо и выехала на дорогу. «Временная трагедия». Так могла бы называться музыкальная группа.

Она увидела знак. Прищурилась. «Транквиллум-хаус».

– Приготовьтесь к левому повороту, – сказал навигатор.

– Сама знаю, не слепая.

Она встретила собственный взгляд в зеркале заднего вида и постаралась придать лицу ироническое выражение типа «интересная штука – жизнь!».

Фрэнсис всегда нравилась идея параллельных вселенных, в которых ее разнообразные «я» проживали разные жизни. В одной из них она стала не писателем, а топ-менеджером, в другой – матерью двух или четырех детей, в третьей – не разводилась с Солом, а еще в одной – с Генри. Но по большей части она всегда чувствовала себя удовлетворенной и охотно принимала реальность, в которой обитала, за исключением нынешнего момента, потому что сейчас Фрэнсис воспринимала эту реальность как катастрофическую административную ошибку квантовой физики. Ей подсунули не ту вселенную. Предполагалось, что Фрэнсис сейчас вожделем в Америке, а не страдает от боли и скорби в Австралии. Все это было неправильно. Неприемлемо.

Тем не менее она была здесь. Ничего не поделаешь.

– Черт бы все это драл! – воскликнула Фрэнсис и свернула налево.

Глава 3

ЛАРС

Это любимое вино моей жены. – Управляющий виноградником, невысокий, упитанный веселый человек на седьмом десятке, со старомодными усами, поднял бутылку. – Жена говорит, оно навеивает ей мысли о шелковых простынях. Думаю, вам понравится его мягкое, бархатное послевкусие.

Ларс качнул бокал, попробовал, вдохнул аромат: яблоки, солнце, древесный дымок. Мгновенное ощущение осеннего дня. Ободряющее пожатие большой теплой руки, держащей его руку. Это походило на память детства, но, вероятно, таковой не было; скорее уж воспоминание, позаимствованное из книги или фильма. Он пригубил вино, покатал во рту и перенесся в бар на берегу моря в Амальфи. Вино оставило легкое послевкусие чеснока и моря. То было достойное счастливое воспоминание из реальной жизни, подтвержденное фотографиями. Он помнил спагетти. Только петрушка, оливковое масло и миндаль. Где-то еще, наверное, есть и такая фотография.

– Ну, что скажете? – Менеджер улыбнулся. Казалось, его усы где-то бережно хранились года с семьдесят пятого.

– Превосходно. – Ларс сделал еще глоток, пытаясь получить полную картину. Вино могло и одурачить: сплошной солнечный свет, яблоки, спагетти, а потом ничего, кроме горького разочарования и пустых обещаний.

– У меня есть пино гри, которое может вам понра...

Ларс поднял руку, посмотрев на часы:

– Я, пожалуй, остановлюсь на этом.

– Вам еще далеко ехать?

Каждый, кто останавливался здесь, обязательно спешил куда-нибудь еще. Ларс едва не пропустил маленькую деревянную табличку «Дегустационный подвал». Он ударил по тормозам, потому что таким уж был человеком – стихийным. Когда вспоминал об этом.

– Через час я должен быть в лечебном пансионате. – Ларс посмотрел вино на свет и восхитился золотистым цветом. – А потому следующие десять дней у меня сухой закон.

– Так вы в «Транквиллум-хаус», да? – спросил менеджер. – Будете заниматься – как это они называют? – десятидневным очищением или что-то вроде того?

– За мои грехи, – сказал Ларс.

– К нам сюда обычно заезжают уже на обратном пути. Мы первая виноградная плантация, которую они встречают по пути в Сидней.

– И что рассказывают? – поинтересовался Ларс, вытаскивая бумажник.

Он решил заказать несколько бутылок – угощение самому себе на будущее.

– Откровенно говоря, некоторые – как после контузии. Им главным образом нужно выпить и похрустеть чипсами, чтобы на щеки возвратился румянец. – Менеджер любовно обхватил горлышко бутылки и продолжил: – Вообще-то, моя сестра устроилась там на работу в спа. Говорит, ее новый босс немного... – Он скосил глаза, словно в поисках нужного слова, и наконец нашел: – Другая.

– Я предупрежден, – ответил Ларс.

Его это не тревожило. Он был помешан на отдыхе с лечебными процедурами. Люди, которые возглавляют такие заведения, обычно и были другими.

– Сестра говорит, сам по себе дом удивительный. У него потрясающая история.

– Кажется, его построили каторжники. – Ларс постучал уголком своей золотой кредитки «Американ экспресс» о стойку.

– Да. Бедняги. Их водными процедурами не баловали.

Из-за задней двери выглянула женщина:

– Этот чертов Интернет снова вырубился.

Увидев Ларса, она остановилась, окинув посетителя оценивающим взглядом. Он был привычен к таким вещам. Целую жизнь прожил под такими взглядами. Она быстро отвернулась, сконфузилась.

– Это моя жена, – с гордостью представил ее менеджер и пояснил: – Мы как раз говорили о твоём любимом семейоне.

На ее щеках появился румянец.

– Я бы не хотела, чтобы ты всем об этом рассказывал.

На лице мужа появилось смущенное выражение.

– Я *всегда* об этом рассказываю.

– Так, тут для меня есть дело, – сказал Ларс, увидев, как жена похлопала мужа по спине, проходя мимо. – Даже два, – добавил Ларс, потому что его работа состояла в том, чтобы разгребать завалы рухнувших семей, но и перед крепким браком он не мог устоять.

Он улыбнулся женщине. Ее руки взлетели к волосам. Тем временем ее ничего не замечающий муж вытащил старую, потрепанную книгу заказов с прикрепленной к ней на шнурке ручкой, тяжело оперся на прилавок и уставился на чистую страницу взглядом, говорящим: на это уйдет некоторое время.

– Имя?

– Ларс Ли, – сказал Ларс. В это время звякнул его телефон, сообщая о новом эсэмэс. Он провел пальцем по экрану.

Ты можешь хотя бы подумать об этом? ЦЕЛЮЮ.

Сердце его екнуло, словно он увидел черного волосатого паука. Да твою ж мать. Он думал, что между ними все уже решено. Его большой палец в нерешительности замер над текстом. Пассивная агрессивность словосочетания «хотя бы». Приторное «целую». К тому же прописными буквами. Ему это не понравилось. Как не понравилось и то, что не понравилось. Это было слегка навязчиво.

Он набрал грубыми, бестактными прописными:

НЕТ. НЕ МОГУ.

Потом стер написанное и сунул телефон в карман брюк.

– Дайте-ка я попробую пино гри.

Глава 4

ФРЭНСИС

Фрэнсис уже двадцать минут ехала по ухабистой грунтовке, на которой машина подскакивала так, что кости гремели, а поясница постанывала.

Наконец она остановилась перед надежно запертыми воротами с интеркомом. Больше всего это было похоже на тюрьму нестрогого режима. Уродливая колючая проволока простиралась в бесконечность в обоих направлениях.

Она представляла себе, что проедет по величественной трехполосной подъездной дороге к историческому дому, у дверей которого ее будут встречать со стаканом зеленого фруктового коктейля. Если откровенно, пока все это сулило мало надежд на «исцеление».

«Прекрати!» – велела себе Фрэнсис. Если она упадет в настроение «я недовольный потребитель», то непременно будет раздражаться на все подряд, а она, как-никак, собирается провести в этом месте десять дней. Следует быть открытой и покладистой. Поездка в лечебное заведение – все равно что поездка в незнакомую страну. Нужно принять другую культуру и терпеливо сносить небольшие неудобства.

Она опустила стекло. Раскаленный густой воздух обжег горло, когда она высунулась и большим пальцем нажала зеленую кнопку интеркома. Кнопка сильно нагрелась на солнце, и ее порезанный палец пронзила боль. Фрэнсис пососала палец, ожидая, что из интеркома ее поприветствует бестелесный голос или волшебная сила распахнет створки ворот.

Ничего.

Она снова посмотрела на интерком и увидела записку, приклеенную липкой лентой рядом с кнопкой. Буквы были такие мелкие, что она разобрала только одно важное слово: «инструкции».

«Черт бы их драл!» – подумала она, роясь в сумочке в поисках очков. Ведь наверняка немалому числу клиентов было за сорок.

Она нашла очки, надела, уставилась на записку, но по-прежнему ничего не могла разобрать. Недовольно бормоча себе под нос, она вышла из машины и попала в тяжелые объятия жары. На лбу моментально выступили капельки пота.

Она наклонилась к интеркому и прочла текст, написанный аккуратными крохотными печатными буквами, словно послание зубной фее.

НАМАСТЕ² И ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В «ТРАНКВИЛЛУМ-ХАУС»,
ГДЕ ВАС ЖДЕТ ВАШЕ НОВОЕ «Я». ПОЖАЛУЙСТА, НАБЕРИТЕ КОД 564–
312, ПОСЛЕ ЧЕГО СРАЗУ ЖЕ НАЖМИТЕ ЗЕЛЕНУЮ КНОПКУ.

Она набрала код и нажала зеленую кнопку. По спине струился пот. Придется еще раз сменить одежду. У самого рта зажужжала мясная муха. Капнуло с носа.

– Ну же! – сказала она интеркому, внезапно закипая от ярости, и подумала, что ее взволнованное потное лицо, возможно, сейчас появилось на каком-нибудь экране и какой-то специалист бесстрастно анализирует ее рассогласованные чакры. «С этой придется поработать. Посмотрите, как она реагирует на один из самых незначительных стрессов: ожидание».

Может, она неправильно набрала этот чертов код?

² *Намасте* (санскр.) – индийское и непальское приветствие и прощание; намасте как жест представляет собой соединение двух ладоней перед собой.

Она снова нажала нужные цифры, громко называя каждую саркастическим голосом, чтобы доказать свою правоту бог знает кому, потом нажала на разогретую зеленую кнопку и продержала ее секунд пять, чтобы уж наверняка.

Ну вот. Впускайте уже меня.

Она сняла очки и опустила руку.

Безжалостная жара, казалось, расплавляла ее голову, как шоколад. Снова тишина. Фрэнсис свирепо и пристально посмотрела на интерком, словно желая пристыдить его и принудить к действию.

По крайней мере, Пола это позабавит. Интересно, он бывал когда-нибудь в таких лечебных заведениях? Скорее всего, нет, обычно Пол скептически относится к такого рода вещам. Она сама...

В груди мучительно сжалось. Никакой истории для Пола не будет. Пол исчез. Как унижительно для него таким образом просочиться в ее мысли. Ей хотелось почувствовать прилив раскаленного добела гнева, а не эту глубокую печаль, эту напускную скорбь о том, что в первую очередь так или иначе не было реальностью.

Прекрати. Не думай об этом. Сосредоточься на первоочередной проблеме.

Решение было очевидным. Она позвонит в «Транквиллум-хаус»! Там будут в ужасе, когда узнают, что интерком сломался, а она будет спокойной и понимающей, уверит их, что в извинениях нет необходимости. «Такое случается, – скажет она. – Намасте».

Фрэнсис вернулась в машину и включила кондиционер на полную. Нашла распечатку подтверждения брони, набрала номер. Все переговоры с пансионатом шли по электронной почте, так что теперь она впервые слышала записанное на автоответчик послание: «Спасибо, что позвонили в исторический оздоровительный велнесс-пансионат с термальными источниками „Транквиллум-хаус“, где вас ждет ваше новое „я“. Ваш звонок очень важный и особенный для нас, как и ваше здоровье и самочувствие, но в настоящий момент к нам обратилось слишком большое число клиентов. Мы знаем, ваше время драгоценно, так что, пожалуйста, оставьте послание после сигнала, и мы перезвоним вам, как только появится такая возможность. Мы очень ценим ваше внимание. Намасте».

Фрэнсис откашлялась, слушая раздражающий перезвон музыки ветра.

– Да, меня зовут...

Перезвон не прекращался. Она замолчала, подождала, начала говорить и снова замолчала. В трубке звучала *симфония* музыки ветра.

Наконец наступила тишина.

– Добрый день, это Фрэнсис Уэлти. – Она шмыгнула носом. – Прошу прощения. Простуда. Как я уже сказала, меня зовут Фрэнсис Уэлти. Я ваша гостья.

Гостья? Правильное ли это слово? Пациентка?

– Я пытаюсь зарегистрироваться, но пока торчу перед вашими воротами. Сейчас, мм... двадцать минут четвертого, двадцать пять минут четвертого, и я... здесь. Интерком, похоже, не работает, хотя я действовала по инструкции. Она написана такими крохотульками – не прочтешь. Буду признательна, если вы откроете мне ворота. Впустите меня.

Фрэнсис закончила говорить с усиливающейся истерической ноткой, о чем пожалела. Она положила телефон на пассажирское сиденье и уставилась на ворота.

Ничего. Она даст им двадцать минут, а потом поднимет белый флаг.

Ее телефон зазвонил, и она ответила, не дав себе труда посмотреть на экран.

– Слушаю! – весело сказала Фрэнсис, чтобы показать, какая она на самом деле терпеливая и понимающая и что она сожалеет о саркастическом замечании насчет крохотулек.

– Фрэнсис? – Это был Аллен, ее литературный агент. – Что-то ты на себя не похожа.

Фрэнсис вздохнула:

– Я жду другого звонка. Поехала в этот пансионат, о котором тебе говорила, но даже на территорию попасть не могу. Их интерком не работает.

– Ужасное свинство! Как это некрасиво! – Плохое обслуживание легко выводило Алена из себя. – Ты должна развернуться и ехать домой. Другого варианта нет, правда? Ты помнишь тех двоих несчастных, которые умерли в парной? Они думали, что просветляются, а на самом деле запекались.

– Этот пансионат – модное местечко. Горячий источник, массаж, арт-терапия. Может быть, нестрогое голодание.

– Нестрогое голодание. – Ален фыркнул. – Ешь, когда голоден. Это, видишь ли, привилегия – есть, когда голоден, пока столько людей в мире лишено такой возможности.

– В этом-то все и дело – мы в этой части света не голодаем, – сказала Фрэнсис и посмотрела на обертку плитки «Кит Ката» на консоли ее машины. – Мы едим слишком много обработанной пищи. Вот почему нам, привилегированным, нужно проходить детокси...

– Боже мой, и она купилась на это. Напилась «Кул-эйда»! Детоксикация – это миф, дорогая, и уже развенчанный! Детоксикацию для тебя делает твоя печень. Или почки. В общем, организм прекрасно с этим справляется.

– И все же, – сказала Фрэнсис. У нее возникло ощущение, что он тянет резину.

– И все же, – сказал Ален. – Ты говоришь так, будто у тебя простуда.

Казалось, ее простуда сильно его разгневала.

– Да, у меня дурная, привязчивая и, возможно, хроническая простуда. – Фрэнсис демонстративно закашляла. – Ты будешь мной гордиться. Я принимала множество очень сильнодействующих лекарств. Сердце у меня делает миллион миль в час.

– Вот об этом я и говорю, – сказал Ален.

После этих слов наступила пауза.

– Ален? – поторопила Фрэнсис, уже заранее зная, что он сейчас скажет.

– Боюсь, что у меня плохие новости, – сообщил агент.

– Понятно.

Она подтянула живот, готовая принять это по-мужски или по меньшей мере как подобает автору любовных романов, способному прочесть отчет о начислении авторского гонорара.

– Ну, поскольку ты уже знаешь, дорогая, – начал Ален.

Но Фрэнсис не могла слышать, как он юлит, пытаясь смягчить удар комплиментами.

– Они не хотят брать новую книгу, так? – спросила она.

– Они не хотят брать новую книгу, – печально подтвердил Ален. – Мне очень жаль. Думаю, ты написала прекрасную книгу, правда. Все дело в кризисе на рынке. Любовная проза приняла на себя самый сильный удар... вечно так не будет продолжаться, литература про любовь всегда возвращается, это временно, но...

– Продай кому-нибудь другому, – оборвала его Фрэнсис. – Продай Тимми.

Еще одна пауза.

– Дело в том, – начал Ален, – я не говорил тебе... но я подсунул рукопись Тимми несколько недель назад, потому что у меня было нехорошее предчувствие, что такое может случиться... и конечно, если бы он согласился раньше других, я смог бы поторговаться...

– Тимми отказался? – Фрэнсис ушам своим не верила.

У нее в шкафу висело дизайнерское платье, которое она никогда больше не сможет надеть. А все из-за пятна от пина колады, которую Тимми пролил на нее, прижав в углу на Мельбурнском фестивале писателей. Он говорил торопливым горячим голосом ей в ухо, оглядываясь через плечо, как шпион, говорил, как хочет издавать ее, что его судьба – стать ее издателем, что никто другой не сумеет издать ее так, как он, что ее преданность Джо восхитительна, но не по адресу, потому что Джо считала, что понимает любовные истории, но она их не понимала, понимал только Тимми, только он, Тимми, может поднять Фрэнсис на следующий

уровень, и он это сделает – и так далее, и так далее, пока не появилась Джо и не спасла ее. «Ой, оставь в покое моего автора».

Как давно это было? Наверняка совсем недавно. Может, девять или десять лет назад. Время теперь несется как сумасшедшее. Что-то не так со скоростью вращения Земли. Десятилетие пролетает, как год.

– Тимми книга понравилась, – сказал Ален. – Он от нее в восторге. Он чуть не плакал. Он не смог получить разрешение на приобретение рукописи. Они там все дрожат от страха. Год был чертовски трудным. Сверху дано задание – психологический триллер.

– Я не умею писать триллеры, – сказала Фрэнсис.

Ей никогда не нравилось убивать своих героев. Иногда она позволяла им сломать конечность, но ей от этого становилось нехорошо.

– Конечно не можешь! – сказал Ален слишком поспешно, и Фрэнсис почувствовала себя немного оскорбленной. – Слушай, я должен признаться, что заволновался, когда Джо ушла и ты осталась без контракта. Но Эшли казалась твоей искренней поклонницей.

Ален продолжал говорить, но Фрэнсис уже не слушала. Она смотрела на закрытые ворота и потирала поясницу костяшками пальцев левой руки.

Что сказала бы Джо, услышав, что Фрэнсис получила отказ? Неужели поддержала бы такое решение? Фрэнсис была уверена, что Джо останется ее редактором до конца времен. Она с удовольствием представляла себе, как они одновременно уйдут на покой, может быть устроив по этому поводу прощальный ланч, но в прошлом году Джо объявила о желании выйти на пенсию. *На пенсию!* Словно она была чьей-то старой бабушкой! Джо и в самом деле была бабушкой, но, бога ради, разве это причина бросать работу. Фрэнсис казалось, что она только-только почувствовала себя хозяйкой своей жизни, как вдруг люди в ее окружении стали поступать как старики: у них появились внуки, они стали уходить на пенсию, подпадать под сокращение, умирать – не в авто- или авиакатастрофах, нет, умирать мирно в своих кроватях. Она никогда не простит этого Джиллиан. Джиллиан всегда уходила с вечеринок, не попрощавшись.

Стоило ли удивляться, что на место Джо пришел ребенок, ведь дети завоевывали мир. Куда бы ни посмотрела Фрэнсис, она всюду видела детей: дети сосредоточенно готовили выпуски для службы новостей, регулировали дорожное движение, проводили писательские фестивали, мерили ее давление, управляли ее доходами и подгоняли для нее бюстгалтеры. Когда Фрэнсис только познакомилась с Эшли, то подумала, что девочку сюда прислали на практику. Она чуть было не сказала: «От чашечки капучино не откажусь, дорогая», когда этот ребенок обошел стол Джо и сел на ее место.

– Фрэнсис, – сказала она, – для меня это такой волнительный момент – встреча девочки со своим кумиром. Я читала ваши книги, когда мне было, ну, одиннадцать! Я крала их из сумочки матери. Это было что-то типа, знаете: «Ма, можно мне почитать „Поцелуй Натаниэла“», а мать типа: «Ни в коем случае, Эшли, там слишком много секса!»

После этого Эшли принялась объяснять Фрэнсис, что в ее следующей книге должно быть больше секса, гораздо больше, она убеждена, что Фрэнсис абсолютно в состоянии справиться с этим! Эшли не сомневалась: Фрэнсис знает, что рынок меняется, и «если вы посмотрите на этот график, Фрэнсис, – нет, здесь, вот же он, – то сами увидите, что продажи ваших книг... мне, к сожалению, приходится это говорить, это называется «тренд на падение», и мы типа должны решить эту проблему типа супербыстро. Да, и еще одно... – На лице Эшли появилось мучительное выражение, словно она собиралась поднять деликатный медицинский вопрос. – Ваше присутствие в электронных медиа? Я слышала, вы не очень увлечены социальными сетями. Моя мама тоже! Но для сегодняшнего рынка это необходимо. Вашим поклонникам необходимо видеть вас в «Твиттере», «Инстаграме», «Фейсбуке» – это как минимум. И еще было бы здорово, если бы вы начали вести блог, ну и регулярная информационная рассылка не помешает. Может, видеодневник? Это будет так здорово, как маленькие фильмы!

– У меня есть веб-сайт, – ответила Фрэнсис.

– Да, – любезно сказала Эшли. – У вас есть сайт. Но кто же сейчас читает сайты.

Она повернула монитор своего компьютера к Фрэнсис, чтобы та могла посмотреть примеры других авторов, которые ведут себя лучше, «активнее» в социальных сетях, и Фрэнсис перестала слушать. Просто ждала, когда это закончится, как прием у дантиста. Она все равно не видела, что там на экране. У нее не было с собой очков. Но она не волновалась, потому что в это время влюблялась в Пола Дрэббла, а когда она влюблялась, то всегда писала свои лучшие книги. К тому же у нее были самые доброжелательные, самые преданные читатели в мире. Продажи ее книг, может, и падали, но издавать ее будут *всегда*.

– Я найду, где опубликовать эту книгу, – говорил тем временем Ален. – На это может уйти какое-то время, но литература про любовь не умерла!

– Не умерла? – переспросила Фрэнсис.

– И близко нет, – убежденно сказал агент.

Фрэнсис взяла пустую обертку «Кит Ката» и облизнула ее, рассчитывая, что там остались кусочки шоколада. Как она выберется из этого без сахара?

– Фрэнсис?..

– У меня сильно болит спина, – сказала Фрэнсис и громко высморкалась. – И мне пришлось остановить машину на полпути, потому что случился прилив.

– Это правда звучит ужасно, – с чувством произнес Ален. – Не могу даже представить.

– Нет, не можешь. Какой-то человек остановился узнать, все ли в порядке, потому что я кричала.

– Ты кричала? – переспросил Ален.

– Мне хотелось кричать.

– Конечно-конечно, – поспешил сказать Ален. – Я понимаю. Мне часто хочется кричать. Это было дно. Она только что лизала обертку «Кит Ката».

– Фрэнсис, дорогая, мне так жаль, особенно после той истории с этим жутким человеком.

У полиции есть какие-нибудь новости?

– Нет, – сказала Фрэнсис. – Никаких новостей.

– Я ужасно за тебя переживаю.

– В этом нет нужды, – шмыгнула носом Фрэнсис.

– Просто черная полоса какая-то, дорогая... Да, кстати, я хочу, чтобы ты знала: та рецензия никак не повлияла на их решение, абсолютно.

– Какая рецензия? – спросила Фрэнсис.

Ответом ей было молчание. Она знала, что Ален колотит себя по голове.

– Ален?

– Боже мой, – сказал он. – Боже мой, боже мой, боже мой!

– Я не читала ни одной рецензии с тысяча девятьсот девяносто восьмого года, – сказала Фрэнсис. – Ни единой. Ты это знаешь?

– Конечно. Безусловно. Я идиот. Я кретин.

– Какая может быть рецензия, когда книги нет?

Фрэнсис поерзала на сиденье. Поясница у нее болела невыносимо.

– Какая-то сука купила в аэропорту экземпляр «Чего хочет сердце» и написала колонку о... мм... про твои книги вообще, злобную уничтожающую критику. Она вроде как связала это с движением MeToo³, и благодаря хештегу ее статья разошлась по всему Интернету, чушь полная, она пишет, это романы про любовь виноваты в том, что есть сексуальные хищники!

³ MeToo (в переводе с английского «И я», в смысле «и я подверглась насилию») – популярный хештег, мгновенно распространившийся в социальных сетях в октябре 2017 г., подчеркивающий осуждение сексуального насилия и домогательств, получивший распространение в результате скандала и обвинений кинопродюсера Харви Вайнштейна.

– Что?

– Никто даже и не читал рецензию. Не знаю, почему я о ней сказал. Наверное, у меня ранняя стадия деменции.

– Ты сказал, она разошлась по Интернету!

Все прочли рецензию. Все и каждый.

– Пришли мне ссылку, – потребовала Фрэнсис.

– Да все не так уж и плохо, – сказал Ален. – Это просто неприятие твоего жанра...

– Пришли!

– Нет, – сказал Ален. – Не пришлю. Ты все эти годы не читала рецензий. Вот и не начинай!

– Немедленно! – заявила Фрэнсис своим опасным голосом. Она редко им пользовалась. Например, во время развода.

– Пришлю, – смиренно согласился Ален. – Мне очень жаль, Фрэнсис. Мне очень жаль, что я тебе вообще позвонил с этим.

Он отключился, и Фрэнсис тут же вошла в свою почту. Времени у нее оставалось мало. Как только она прибудет в «Транквиллум-хаус», она должна будет сдать свой «девайс». Наряду со всем остальным она пройдет и курс цифровой детоксикации. Только оф-лайн.

«ИЗВИНИ!» – написал Ален в своем письме.

Она кликнула по ссылке.

Рецензию написала некая Хелен Инат. Имени этого Фрэнсис не знала, фотографии автора не было. Фрэнсис прочла текст быстро, с иронической, надменной улыбкой, как если бы автор говорила все это ей в лицо. Рецензия была ужасна: злобная, саркастичная, высокомерная – но интересно, что боли Фрэнсис не чувствовала. Слова – *Стереотипный. Трэш. Бред. Банальность* – просто отскакивали от нее.

Она была в полном порядке! Всем не угодишь, издержки профессии.

А потом Фрэнсис почувствовала.

Это было все равно как обжечься о сковородку, когда поначалу ты думаешь: «Ха, не так уж это и больно». А потом тебе и правда становится очень больно, а немного спустя боль уже просто адская.

Непривычная боль в груди распространилась на все тело. Еще один забавный симптом менопаузы? А может, сердечный приступ. У женщин бывают сердечные приступы. Это явно было нечто большее, чем ущемленные чувства. Именно поэтому она, конечно, и перестала читать рецензии. У нее слишком тонкая кожа. «Это было лучшее из когда-либо принятых мной решений», – сказала она публике, когда в прошлом году произносила приветственную речь на конференции австралийских авторов любовной прозы. Они все, небось, подумали тогда: «Да, Фрэнсис, пожалуй, тебе стоило бы прочесть одну-две рецензии, старая ты погасшая звезда».

Почему ей вздумалось прочесть отрицательную рецензию именно сейчас, когда впервые за тридцать лет ее творение было отвергнуто?

А потом она почувствовала еще кое-что. Ей показалось – и, черт возьми, это было так захватывающе! – что внезапно она утратила чувство собственного «я».

Ну же, Фрэнсис, возьми себя в руки, ты слишком стара для экзистенциальных кризисов.

Но, судя по всему, она была не настолько стара.

Она безнадежно пыталась вернуть себе самооценку, но это было все равно что черпать воду решетом. Если она перестала быть издаваемым автором, то кто она теперь? В чем смысл ее жизни? Она не была ни матерью, ни женой, ни подругой. Она была дважды разведенной женщиной средних лет, в менопаузе, страдающей приливами. Кода. Клише. Незаметное для большинства, исключая, конечно, таких мужчин, как Пол Дрэбл.

Фрэнсис посмотрела на по-прежнему не желавшие открываться перед ней ворота, и слезы затуманили ее взгляд.

Фрэнсис, прекрати паниковать. Никуда ты не исчезаешь. Не будь такой мелодраматичной! Подумаешь, черная полоса в жизни, дело преходящее. Сердце у тебя колотится от таблеток против простуды. И все же ее не покидало ощущение, будто она в шаге от пропасти, на краю гулкой бездны такого отчаяния, какого она не испытывала за всю жизнь, даже в дни скорби... Но сейчас у нее нет повода для глубокой скорби, напомнила она себе, это всего лишь спад в карьере, неудачные отношения, боль в пояснице, затянувшаяся простуда и порезанный палец – все сошлось одно к одному. Совсем не то, что было, когда умер отец или Джиллиан... Вообще-то, начать вспоминать об ушедших близких – не лучший способ поднять настроение, совсем не лучший.

Она в отчаянии огляделась в поисках чего-нибудь, чтобы отвлечься, – ее телефон, ее книга, еда... и тут она увидела движение в зеркале заднего вида.

Что это было? Животное? Может, просто игра света? Нет, это что-то осязаемое, но слишком медленное для машины.

Постой. Это именно машина. Причем едущая так медленно, что почти и не едущая.

Фрэнсис села прямо и провела пальцем под глазами, ликвидируя потеки туши.

Спортивная машина канареечного цвета ехала по грунтовой подъездной дороге так медленно, что Фрэнсис даже не представляла, что такое возможно.

Она не особо разбиралась в автомобилях, но сразу поняла, что перед ней чертовски дорогое произведение инженерного искусства. С низкой посадкой, с ярким футуристическим блеском фар.

Машина остановилась за ней. Двери с обеих сторон одновременно открылись, из них появилась молодая пара, мужчина и женщина. Фрэнсис поправила зеркало, чтобы лучше их рассмотреть. Мужчина походил на сантехника из пригорода, собравшегося на воскресное барбекю: бейсбольная кепочка задом наперед, солнцезащитные очки, футболка, шорты и топ-сайдеры без носков. У женщины, одетой в обтягивающие брючки капри и нетвердо ступавшей на своих шпильках, были потрясающие золотисто-каштановые волосы, невероятно тонкая талия и еще более невероятная грудь.

С какой это стати такая молодая пара будет приезжать в лечебный пансионат? Разве это место не для людей с избыточным весом, измученных жизнью, для тех, кто страдает болями в спине и дурацкими кризисами среднего возраста? В зеркало Фрэнсис видела, как мужчина повернул кепку козырьком вперед, запрокинул голову и ссутулился, словно и на него слишком давили небеса. Женщина что-то сказала ему. По движениям ее губ Фрэнсис поняла, что слова были резкими.

Они ссорились.

Хоть какой-то повод отвлечься. Фрэнсис опустила стекло. Эти люди отодвинут ее от пропасти, возвратят к жизни. Она вернет себе самоидентификацию, обретя существование в их глазах. Они воспримут ее как эксцентричную старуху, может, она даже вызовет у них раздражение, но как они ее увидят, не имеет значения – главное, что увидят.

Она неловко высунулась из окна и, помахав им рукой, крикнула:

– Приве-е-ет!

Девушка зашагала к ней по траве.

Глава 5

БЕН

Бен смотрел на Джессику, которая походкой новорожденного жирафенка направлялась к «Пежо-308» (кусок говна по спекулятивной цене), припаркованному у ворот с включенным двигателем. Один стоп-сигнал не работал, глушитель, похоже, был слегка погнут – явно после езды по этой грунтовке. Дама за рулем высывалась в окно, чуть не выпадала из него, и неистово махала Джессике, словно всю жизнь ее тут ждала. Почему бы ей просто не выйти?

Похоже, пансионат закрыт. Прорыв трубопровода? Забастовка персонала? Можно только надеяться.

Джессика едва шла на своих дурацких шпильках. Ковыляла, словно на ходулях. Каблуки тоненькие, как зубочистки. Того и гляди вывихнет лодыжку.

Бен присел рядом со своей машиной, провел пальцами по краске – нет ли где сколов. Он оглянулся на проселок, по которому они приехали, и поморщился. Как это заведение, дерущее с тебя такие деньги, что плакать хочется, может иметь такую подъездную дорогу? Они должны были повесить предупреждение на сайте. По пути он был уверен, что машина обязательно сядет на брюхо в одной из этих выбоин.

Царапин Бен не нашел. Это было чудо, но кто знает, что там с ходовой частью. Нужно будет заехать в мастерскую, чтобы машину посмотрели на подъемнике. Он бы сделал это прямо сейчас, но придется потерпеть десять дней.

Может, лучше доставить машину в Мельбурн на эвакуаторе. Можно позвонить ребятам Пита. Это была не самая нелепая из идей, разве что пришлось бы выслушать о себе кучу всего, если бы кто-либо из его бывших коллег увидел, что он поехал на *такой* машине по *такой* дороге. Он подозревал, что его прежний босс заплачет, буквально заплачет от одной мысли об этом.

Глаза Пита подозрительно заблестели после происшествия с царапиной в прошлом месяце. Они называли это «царапгейт».

– Завистливые суки, – сказал Пит, когда Бен показал ему длинную царапину на пассажирской двери, явно нарочно оставленную ключом какого-то мерзавца.

Бен не мог сообразить, где и когда это могло случиться. Он никогда не оставлял машину на общественных парковках. Не исключено, что это сделал кто-то из знакомых. Бен мог назвать немало людей, которые могли в достаточной мере ненавидеть его и Джессику, чтобы сотворить такое. Были времена, когда он был уверен, что в его жизни нет ни одного врага. Теперь, похоже, набралась неплохая коллекция. Он знал, что Джессика думает, что это сделала его сестра. Джессика никогда не обвиняла Люси вслух, но Бен мог читать мысли жены по сжатым в ниточку губам. Может, она и права. Люси вполне могла такое сотворить.

Пит устранил царапину с той же тщательностью, с какой реставрировал бы бесценную картину, и Бен после этого случая берег машину вплоть до этого дня, когда подверг ее громадному непростительному риску, поехав по этой треклятой дороге.

Бену не следовало уступать Джессике. Он сделал все, что мог. Он пытался. Он остановил машину, сказал ей – спокойно, без ругани, – сказал, что ехать на такой машине по неасфальтированной дороге безумие, что последствия могут быть катастрофическими. Например, они могут сорвать глушитель.

А ее, казалось, это совсем не волновало.

Они орали друг на друга десять минут без передышки. Реально орали. Брызгали слюной. Их лица покраснели, стали уродливыми, черты исказились. Ярость, душившая его во время этого спора, напомнила полузабытые ощущения детства. Тогда Бен по малолетству не мог толком настоять на своем, ведь он был ребенком и все решали за него, а потому если мать или отец говорили, что он не получит новую игрушку из серии «Звездные войны», которую так жаждал, просто свирепел.

Был момент, когда его кулаки сжались, когда ему пришлось сказать самому себе: «Только не ударь ее». Он и не предполагал, что у него когда-нибудь может возникнуть желание ударить женщину. Тогда он и уступил. Сказал: «Отлично. Я угроблю машину, раз ты так хочешь».

Большинство его знакомых даже не стали бы тратить время на ругань. Просто развернулись бы и поехали назад.

Большинство вообще никогда не согласилось бы на это безумие.

Оздоровительный пансионат. Йога и горячие источники. Он был против. Но Джессика сказала, что им нужно что-нибудь радикальное, и тогда все наладится. Она сказала, что им нужна детоксикация мозгов и тел, чтобы спасти их брак. Они будут есть органический салат и таскаться на консультации для пар. Ему предстояли десять дней дьявольской пытки.

Пройдя этот курс, одна звездная пара спасла свой брак. Они «достигли внутренней гармонии» и наладили контакт со своим истинным «я». Огромная куча говна. С таким же успехом можно было вручить деньги каким-нибудь нигерийским интернет-мошенникам. У Бена было жуткое чувство, что та звездная пара, вероятно, сошлась на съемках «Девчонок». Джессика любила знаменитостей. Он прежде думал, что это мило – идиотское увлечение умненькой девушки с оглядкой на жизнь знаменитостей, или на сомнительные слухи об их жизни. Все это, так или иначе, наверняка было враньем, – может, им платили за рекламу в их инстаграм-аккаунтах. И его бедная, невинная, доверчивая Джессика на все это велась.

Теперь она вроде как воображала себя одной из этих звездюлек. Она представляла себя на этих поганных шабашах с красными ковровыми дорожками. Каждый раз, когда ее фотографировали, она упирала руку в бедро, словно иллюстрировала песенку «Я маленький чайник», потом поворачивалась боком и выпячивала челюсть, скалясь улыбкой маньяка. Это было самое нелепое. И сколько времени она тратила на эти фотографии! Один раз у нее ушло сорок две минуты (он засекал) на то, чтобы сфотографировать собственные ноги.

Одна из самых громких ссор за последнее время случилась у них именно из-за поста в «Инстаграме». Джессика разместила там свою фотографию в бикини: она позировала, выпятив новые пухлые губы и обхватив себя за локти, чтобы новые сиськи казались еще больше. Джессика спросила, что он думает об этом снимке. Ее лицо светилось надеждой, и он не решился сказать ей, что больше всего это напоминает рекламу дешевого эскорта. Он просто пожал плечами и сказал: «Ничего».

Ее лицо скривилось в расстроенной гримаске. Можно подумать, он ее как-то обозвал. Потом она стала на него орать (теперь Джессика разогревалась от нуля до кипения за считанные секунды), а он чувствовал себя как ошпаренный недоумок, который не в состоянии понять, что случилось. И он просто развернулся и ушел, поднялся наверх, чтобы посидеть за игровой приставкой. Он думал, что уйти в такой ситуации правильнее. Так поступает зрелый мужчина. Разойтись по разным углам, дать время успокоиться. Бен по-прежнему плохо разбирался в таких вещах. Джессика бросилась за ним по лестнице, схватила сзади за футболку.

– Посмотри на меня! – закричала она. – Ты на меня даже не смотришь больше!

Она убила его этими словами, потому что это было правдой. Он старался не встречаться с ней взглядом. Он изо всех сил пытался себя перебороть. Были мужчины, которые оставались с женами, искалеченными в катастрофе, обожженными, в шрамах или еще с какими-нибудь увечьями. Если Джессика увечит себя своими руками, то для него это не должно иметь никакой

разницы. Не в буквальном смысле своими руками. Ее собственной кредиткой. Добровольное самокалечение.

Под восторженное повизгивание ее глупых дружков с их неизменным: «Боже мой, Джессика, ты выглядишь просто невероятно!»

Ему хотелось заорать им:

– Вы что, ослепли? Она стала похожа на бурундука!

От одной только мысли о том, чтобы расстаться с Джессикой, Бен чувствовал себя выпотрошенным. Но теперь он чувствовал себя выпотрошенным, продолжая жить с ней. Он оставался выпотрошенным при любом варианте.

Если бы этот пансионат сработал, если бы они вернулись к прежним отношениям, ему было бы не жаль даже поврежденного автомобиля. Ясное дело, одно другого стоит. Бен хотел, чтобы Джессика стала матерью его детей – их будущих детей.

Он вспоминал день ограбления, с которого прошло уже два года. Он помнил, как ее лицо – тогда это еще было ее прекрасное лицо – сморщилось, как у обиженного ребенка. Помнил свою ярость. Он хотел найти этих недоумков и разбить им морды.

Если бы не ограбление, если бы не те недоумки, они с Джессикой не оказались бы здесь. У него не было бы этой машины, но и не пришлось бы торчать здесь на следующие десять дней.

Но, вообще-то, ему до сих пор хотелось разбить им морды.

– Бен!

Джессика поманила его. Она была сама любезность и доброжелательность, словно они не орали только что друг на друга. Она это умела. Они могли ехать на вечеринку и всю дорогу ругаться, могли не обменяться ни словом, поднимаясь по лестнице, а когда дверь открывалась – бах! – и совсем другой человек. Смеется, шутит, поддразнивает его, делает селфи, словно у них ночью был классный секс, хотя на самом деле не было никакого.

А потом, в машине по пути домой, все начиналось по новой. Она словно переключала режимы. Его это выводило из себя.

– Я просто соблюдаю приличия, – говорила она ему. – На вечеринки не возят свои ссоры. Это никого не касается.

Он распрямился, поправил бейсболку и подошел к Джессике, приготовившись изображать ее обезьянку.

– Это мой муж Бен, – сказала Джессика. – Бен, это Фрэнсис. Она будет проходить тот же курс, что и мы. Ну, возможно, не совсем тот...

Женщина улыбнулась ему с водительского сиденья.

– Шикарная машина, Бен, – сказала она. – Просто как в кино.

Говорила это Фрэнсис так, будто они уже сто лет знакомы. Голос звучал гнусаво и хрипло, кончик носа был ярко-красным. Глядя на Фрэнсис сверху вниз, Бен невольно упирался взглядом в ее зияющее декольте. Усилием воли он старался отводить глаза, но не находил, на что бы переключиться. Зрелище открывалось неплохое, но, ввиду ее преклонных лет, не такое уж и хорошее. Красная помада и много золотистых кудрей, собранных сзади в хвостик. Она напоминала Бену одну из подружек матери, с которой та играла в теннис. Ему нравились теннисные подружки матери: самые обычные тетушки, которые не ждали от него многословия. Правда, он предпочитал, чтобы у них не было таких глубоких декольте.

– Спасибо, – сказал он, пытаясь сосредоточиться на ее очень лучистых, светящихся дружелюбием глазах. – Приятно познакомиться.

– Что это у вас за машина? – спросила Фрэнсис.

– «Ламборджини».

– Ого, «ламборджини»! – Она ухмыльнулась ему. – А у меня «пежо».

– О да, я знаю, – сочувственно произнес он.

– Вы не очень высокого мнения об этой модели, да? – Она наклонила голову.

– Это куча дерьма, – сказал Бен.

– Бен! – возмущенно воскликнула Джессика, но Фрэнсис довольно рассмеялась.

– Я люблю мою малютку, – проурчала Фрэнсис, погладив руль.

– Что ж, – заметил Бен, – каждому свое.

– Фрэнсис говорит, что никто не отвечает на вызов, – сказала Джессика. – Она уже двадцать минут тут ждет.

Джессика говорила своим новым шикарным голосом, так чтобы каждое слово звучало жирно и кругло, как яблоко. Она теперь почти постоянно им пользовалась, кроме тех случаев, когда по-настоящему выходила из себя, как это случилось прошлым вечером. Тогда она, забыв о шике, орала на него: «Почему ты не можешь просто быть счастливым? Почему ты все портишь?»

– Вы им звонили? – спросил он у женщины с глубоким вырезом. – Может, интерком сломался.

– Оставила сообщение на автоответчике, – ответила Фрэнсис.

– А вдруг это какое-то испытание, – протянула Джессика. – Часть нашего лечения.

Она подняла волосы, чтобы охладить шею. Иногда, когда она говорила нормально, когда была самой собой, Бен мог забыть про обколотый ботоксом лоб, силиконовые губы, филлеры в скулах, верблюжьи ресницы («наращивание ресниц»), фальшивые волосы («наращивание волос») и фальшивые сиськи и на мгновение видел перед собой прежнюю милую Джессику. Ту, которую знал еще со школы.

– Я тоже так подумала! – воскликнула Фрэнсис, и Бен посмотрел на интерком. – Я едва смогла прочесть инструкции, – добавила она. – Буквы такие маленькие.

Бен прочел инструкцию без малейшего труда, набрал код и нажал зеленую кнопку.

– Если у вас получится, я буду вне себя, – заявила Фрэнсис.

Из интеркома раздался тоненький голос:

– Намасте и добро пожаловать в «Транквиллум-хаус». Чем могу помочь?

– Что за черт? – пробормотала Фрэнсис в комическом недоумении.

Бен пожал плечами:

– Требовалась мужская рука.

– Или вы, – сказала она, протянула из машины руку и похлопала его по локтю.

Джессика наклонилась к интеркому и заговорила излишне громко:

– Мы хотим заселиться. – Тьфу ты, так разговаривала по телефону бабушка Бена. – Фамилия Чандлер, Джессика и Бен...

Из интеркома послышался треск, ворота начали открываться. Джессика выпрямилась, завела волосы за ухо, как всегда озабоченная своим внешним видом. Она никогда не воспринимала себя так серьезно, как сейчас.

– Клянусь вам, я правильно набирала код, я была уверена, что правильно! – Фрэнсис застегнула ремень безопасности, газанула на холостом ходу и помахала им. – Там встретимся! Не пытайтесь меня обогнать на вашем крутом-раскрутом «феррари».

– Это «ламборджини»! – возразил Бен.

Фрэнсис подмигнула ему, словно прекрасно знала это, и тронулась с места с большей скоростью, чем он ожидал, на такой дороге стоило бы помедленнее.

Они пошли к машине, и Джессика сказала:

– Мы никому не рассказываем, так? Договорились. Если кто спросит, говори, что машина даже не твоя. Приятеля.

– Да, только я не умею так убедительно врать, как ты. – Бен хотел пошутить или даже сделать ей комплимент, но предоставил Джессике право толковать свои слова.

– Иди в жопу, – сказала она, хотя и ровным голосом.

Что ж, может, у них все получится. Но иногда угли затухающего спора начинали разгораться без предупреждения. Никто не знает заранее. Он будет начеку.

– Она показалась мне милой, – сказал Бен. – Эта женщина, Фрэнсис.

Бояться нечего: Фрэнсис старая. Нет повода ревновать. Ревность – еще одна милая новая черта их отношений. Чем больше Джессика меняла лицо и тело, тем более подозрительней становилась.

– Кажется, я узнала ее, – сказала Джессика.

– Правда?

– Я уверена, что это Фрэнсис Уэлти, писательница. Я когда-то запоем читала ее книжки.

– И что она пишет? – спросил Бен, открывая дверь машины.

Она ответила, но Бен не расслышал.

– Извини, что?

– Любовные романы. – Джессика с такой силой хлопнула дверью, что он поморщился.

Глава 6

ФРЭНСИС

Ну, это уже на что-то похоже», – подумала Фрэнсис, увидев возникший вдали особняк в викторианском стиле. Здесь дорога, слава богу, была заасфальтирована, и буш выглядел зеленее и мягче. Трехэтажное, с красной гофрированной кровлей и высокой башенкой здание «Транквиллум-хауса» было построено из песчаника. Фрэнсис испытала приятное чувство, будто машина времени переправила ее в конец XIX века, – чувство слегка, впрочем, подпорченное желтой «ламборджини», ехавшей следом.

Как эти ребята смогли позволить себе такую машину? Наркодилерство? Наследство? Наркодилерство казалось более вероятным, наследники старых денег выглядят иначе – у них ухоженный, заносчивый вид.

Она еще раз посмотрела в зеркало заднего вида. Издалека Джессика, волосы которой трепал ветер, казалась именно той красоткой, какой ей хотелось выглядеть. В зеркало невозможно было разглядеть ее молодое лицо в подробностях и понять, что она с ним сотворила. От такого густого слоя косметики никому не поздоровится, но, боже мой, тут и ослепительно-белые зубы, и ненормально пухлые губы, и явная пластика... все это было ужасно. Фрэнсис не была противницей косметических процедур, напротив, она была их заядлой сторонницей, но в налитом, выглаженном лице этого прекрасного ребенка сквозило что-то печальное и безвкусное.

И конечно, все эти ее драгоценности не могли быть настоящими, правда? Огромные сапфиры в ушах стоили бы, наверное... сколько? Фрэнсис понятия не имела. Много. Но машина явно была настоящая, так что, может, и драгоценности тоже.

Удачливые гангстеры? Звезды YouTube?

Мальчик, «муж» – они казались слишком юными для таких взрослых слов – Джессики, был такой симпатяга. Фрэнсис постарается не флиртовать с ним. Шутка за десять дней может затянуться. Может быть, даже станет граничить с... пошлостью? «Может быть, станет граничить с педофилией, дорогая», – сказал бы Ален. Вот был бы ужас, если бы симпатяге Бену пришлось с содроганием уворачиваться от ее приставаний, как она сама когда-то уворачивалась от приставаний пожилых писателей на вечеринках, устраиваемых издательством.

Особенно невыносимыми они становились, если недавно получили какую-нибудь литературную премию. Они подкатывали так решительно и непрекесимо, что слова не вставишь. Естественно, они не спрашивали разрешения, чтобы тискать своими волосатыми лапами начинающего автора жанровой прозы. По их мнению, Фрэнсис просто обязана была ложиться под любого из этих мэтров в качестве компенсации за ее неприлично большие тиражи на массовом рынке «аэропортного трэша».

Прекрати, Фрэнсис! Хватит думать об этой рецензии!

Она участвовала в марше женщин! Она не была какой-то там клушей только потому, что описывала цвет глаз своего героя. Как можно влюбиться в кого-то, не зная цвета его глаз? И она была вынуждена в конце подавать свадебный торт. Таковы правила. Если бы Фрэнсис оставила концовку двусмысленной, читатели съели бы ее заживо.

Не думай об этой рецензии. Не думай об этой рецензии.

Ее мысли вернулись к Бену и Джессике. Да, конечно, она будет вести себя с Беном как подобает женщине ее возраста. Будет делать вид, что они родственники. Изображать его тетюшку. И уж конечно, не станет к нему прикасаться. Бог мой, она ведь уже к нему прикоснулась, верно? Из-за этой рецензии она сама не своя, теперь вот засомневалась в уместности

своего поведения. Она стиснула руки на руле. У нее была привычка прикасаться к руке собеседника, чтобы подчеркнуть свои слова. Или когда ей говорили что-то, вызывавшее смех. Или когда она чувствовала, что к ней расположены.

По крайней мере, разговор с Беном и Джессикой успокоил ее. Она там сама себя напугала. Да уж, ее самооценке нанесен сокрушительный удар. Что за истеричка.

Дорога делала поворот к дому. Бен со своей мощной машиной вежливо держался на почтительном расстоянии, хотя ему, вероятно, и хотелось притопить педаль газа на поворотах.

Она проехала по величественной аллее, высаженной высоченными соснами.

– Не слишком убогий, – пробормотала она.

Фрэнсис была готова к тому, что в реальности пансионат окажется куда менее презентабельным, чем на фотографиях в Интернете, но «Транквиллум-хаус» был прекрасен. Кружевные белые балконы ослепительно сияли на солнце. Сад пышный и зеленый, несмотря на летнюю жару, причем объявление «ЗДЕСЬ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ ДОЖДЕВАЯ ВОДА» не оставляло поводов для упреков в равнодушном отношении к экологии.

Два сотрудника в белоснежной форме легкой походкой духовно развитых личностей неспешно вышли из дома на широкую веранду, чтобы встретить их. Может быть, они там медитировали, пока Фрэнсис тщетно пыталась дозвониться. Фрэнсис едва успела остановиться, когда дверь ее машины распахнул один из служителей. Он был молод, как и все здесь, конечно. Азиат, с хипстерской бородкой, с волосами, собранными в пучок, яркими глазами и гладкой кожей. Приятный мужчина-мальчишка.

– Намасте. – Мужчина-мальчишка сложил ладони и поклонился. – Очень рад приветствовать вас в «Транквиллум-хаусе». – Он говорил, делая короткие... выверенные... паузы между словами. – Меня зовут Яо. Ваш персональный консультант по велнессу.

– Привет, Яо. Я Фрэнсис Уэлти. Ваша новая жертва.

Фрэнсис отстегнула ремень безопасности и улыбнулась ему. Она сказала себе, что не будет смеяться, или пытаться подражать его йогическому голосу, или позволить этому голосу довести ее до бешенства.

– Начиная с этого момента мы берем на себя все ваши заботы, – сказал Яо. – У вас большой багаж?

– Всего одна сумка, – ответила Фрэнсис, махнув в сторону заднего сиденья. – Я донесу, она легкая.

Она не хотела упускать сумку из виду, потому что уложила в нее несколько запрещенных предметов: кофе, чай, шоколад (темный шоколад – антиоксиданты!) и всего одну бутылочку хорошего красного вина (тоже антиоксиданты).

– Оставьте вашу сумку на месте, Фрэнсис, а ключи в зажигании, – твердо сказал Яо.

Черт побери! Ну и ладно. Вряд ли по внешнему виду сумки он был способен определить ее содержимое, но Фрэнсис почувствовала некоторое смущение (обычно она была хорошей девочкой и старалась не нарушать правила), которое заставило ее, забыв о боли в спине, покинуть машину чуть быстрее, чем следовало.

– О-о-о, – простонала она и, медленно выпрямившись, встретила взгляд Яо. – Поясница.

– Сочувствую, – сказал Яо. – Я вам организую срочный сеанс спа-массажа.

Он вытащил из кармана небольшой блокнот и карандаш и сделал пометку.

– И еще я порезалась бумагой, – торжественно изрекла Фрэнсис, выставив большой палец.

Яо осмотрел царапину:

– Ужас! Мы наложим на это листик алоэ.

Боже, он был просто великолепен со своим маленьким блокнотом! И так серьезно отнесся к ее порезу! Она поймала себя на том, что разглядывает его плечи, и быстро отвернулась. *Бога ради, Фрэнсис!* Никто ее не предупреждал, что в среднем возрасте с ней будут происходить

такие вещи: эти внезапные, абсолютно неуместные приступы влечения к молодым людям без всякого на то повода с их стороны. Может быть, именно так мужчины чувствуют себя всю жизнь? Неудивительно, что этим беднягам приходится выкладывать столько денег по результатам судебных слушаний.

– Вы приехали на десятидневное очищение, – уточнил Яо.

– Верно, – ответила Фрэнсис.

– Превосходно, – сказал он, и у Фрэнсис, к счастью, сразу же пропало к нему всякое влечение. Она никогда не смогла бы лечь в постель с человеком, который говорит «превосходно».

– Итак... могу я войти в дом? – вежливо спросила она.

Теперь мысль о сексе с мужчиной-ребенком вызывала у нее отвращение, да и вообще мысль о сексе с кем угодно. Ей было слишком жарко.

Она увидела, что Яо отвлекся на машину Бена и Джессики, а может, и на саму Джессику, которая стояла, выпятив бедро и медленно накручивая на палец прядь, пока Бен говорил с другим сотрудником, молодой женщиной с такой прекрасной кожей, что казалось, она подсвечена изнутри.

– Это «ламборджини», – сказала Фрэнсис.

– Я знаю, – кивнул Яо, забыв вставить паузу между словами, и пропустил Фрэнсис вперед, чтобы она первой переступила порог.

Она вошла в большой вестибюль и подождала, пока глаза не привыкнут к приглушенному свету. Погрузилась в это мягкое спокойствие, присущее старинным домам, словно в прохладную воду. Все здесь радовало глаз: паркетный пол медового цвета, старинные люстры, потолочные карнизы с замысловатой резьбой, окна со свинцовыми переплетами.

– Как здесь прекрасно! – ахнула Фрэнсис. – Ого, да ведь это просто лестница из «Титаника».

Она подошла, чтобы потрогать глянцеви́то-красное дерево. Лучики света проникали внутрь через единственное витражное окно на площадке.

– Как вам известно, «Транквиллум-хаус» был построен в тысяча восемьсот сороковом году. Это оригинальный красный кедр и лестница розового дерева, – сказал Яо. – Другие люди тоже подмечали ее сходство с лестницей в «Титанике». Пока нам везло больше, так что опасность утонуть вам вряд ли грозит! – Он явно повторял эту остроту далеко не в первый раз, но Фрэнсис щедро рассмеялась – громче, чем шутка того заслуживала. – Этот дом построили из песчаника, добытого на местном карьере, заказчиком был богатый британский адвокат. – Яо продолжил сообщать факты, словно занудный музейный экскурсовод. – Он хотел, чтобы у него был лучший дом в колонии.

– Насколько я знаю, этот лучший дом строили каторжники, – ответила Фрэнсис, внимательно изучившая информацию на сайте.

– Верно, – кивнул Яо. – Адвокат получил пятьсот акров хорошей сельскохозяйственной земли и десять заключенных в придачу. Ему повезло, потому что среди заключенных оказались два каменщика из Йорка.

– У нас в роду была каторжница, – похвасталась Фрэнсис. – Ее доставили из Дублина за кражу шелкового платья. Мы чертовски ею гордимся⁴.

Яо указал куда-то в сторону, давая понять, что идти наверх еще не время.

– Я знаю, вы хотите отдохнуть с дороги, но сначала я проведу для вас небольшую экскурсию по вашему дому на ближайшие десять дней.

– Если только я не сойду с дистанции раньше. – Десять дней вдруг показались Фрэнсис слишком долгим сроком. – Может быть, я уеду раньше.

⁴ В Австралии, на протяжении многих лет служившей местом ссылки, предок-каторжник действительно является поводом для гордости. – *Примеч. ред.*

– Никто не уезжает раньше срока, – безмятежным тоном заметил Яо.

– Да, но они ведь могут уехать, если захотят, – сказала Фрэнсис.

– Никто не уезжает раньше срока, – повторил Яо. – Такого просто не бывает. Никто не хочет уезжать отсюда вообще! Вы накануне воистину преображающего опыта, Фрэнсис.

Он провел ее в большую комнату в боковой части дома с эркерными окнами, из которых открывался вид на долину, и длинным, словно монастырским, столом.

– Это столовая, где вы будете есть. Все гости, конечно, едят вместе.

– Конечно, – хрипловато повторила Фрэнсис и откашлялась. – Отлично.

– Завтрак сервируют в семь, в полдень ланч, обед в шесть часов.

– Завтрак в семь? – Фрэнсис побледнела; она могла переварить ланч и обед в большом обществе, но есть и поддерживать беседу с незнакомыми людьми утром – невозможно. – Я ночная птица, – сказала она Яо. – В семь утра пребываю в коматозном состоянии.

– Но вы говорите о прежней Фрэнсис! Новая к семи часам уже успеет побывать в классе тайцзи и помедитировать с инструктором, – заявил Яо.

– Я в этом серьезно сомневаюсь, – сказала Фрэнсис.

Яо улыбнулся, явно уверенный в своей правоте:

– За пять минут до еды – или до фруктового коктейля в период голодания – звонит колокол. Мы просим вас приходить в столовую сразу, как только его услышите.

– Безусловно, – ответила Фрэнсис, хотя в ней и нарастало ощущение ужаса. Она совсем забыла о периодах голодания. – А у вас есть... доставка еды в номер?

– К сожалению, нет, но утренний и вечерний коктейли будут приносить вам в комнату, – сказал Яо.

– А что, клубных сэндвичей в полночь нет?

Яо с отвращением содрогнулся:

– Конечно нет! – Он провел ее через столовую в уютную гостиную, вдоль стен которой стояли книжные стеллажи; вокруг мраморного камина разместились кресла. – Лавандовая комната. В любое время, когда захотите покоя, пожалуйста, приходите сюда. Почитаете, попьете травяного чайку...

Некоторые слова он произносил с американским акцентом.

– Мило, – сказала Фрэнсис, успокоившись при виде книг.

Они подошли к закрытой двери с надписью «ПОСТОРОННИМ НЕ ВХОДИТЬ», выведенной по трафарету золотыми буквами, и у Фрэнсис, которая оставалась Фрэнсис, возникло сильное желание распахнуть ее. Комнаты отдыха только для членов клуба, в котором она не состояла, были невыносимы.

– Эта дверь ведет наверх, в кабинет директора. – Яо тихонько прикоснулся к двери. – Мы просим вас открывать ее, только если вам назначено.

– Конечно, – обиженно произнесла Фрэнсис.

– Чуть позже сегодня вы встретитесь с директором, – сказал Яо, словно обещая какое-то особое угощение, которого она давно ждала. – На вашей первой медитации с инструктором.

– Превосходно, – буркнула Фрэнсис сквозь сжатые зубы.

– А теперь вы наверняка хотите посмотреть спортивный зал, – объявил Яо.

– Да не так чтобы очень, – сказала Фрэнсис, но он уже вел ее через вестибюль в противоположную часть дома.

– Сначала здесь была гостиная. Ее переоборудовали в современный спортзал.

– Да, вот это настоящая трагедия, – заявила Фрэнсис, когда Яо открыл стеклянную дверь и она увидела полную света комнату, заставленную, как ей показалось, пыточными устройствами.

Улыбка Яо словно споткнулась.

– Мы сохранили всю историческую лепнину. – Он показал на потолок.

Фрэнсис хмыкнула. *Замечательно. Можно лежать и восхищаться гипсовой розеткой на потолке, пока тебя будут растягивать и четвертовать.*

Яо посмотрел на ее лицо и поспешил закрыть дверь в спортзал.

– А теперь я покажу вам студию йоги и медитации. – Он прошел мимо спортзала к двери в дальнем углу дома. – Берегите голову.

Фрэнсис пригнулась, проходя под дверным косяком, хотя необходимости в этом не было, и последовала за ним по узкой каменной лестнице.

– Я чую винный запах.

– Напрасные надежды, – тут же разочаровал Яо. – Это призрак прошлого.

Он толкнул тяжелую дубовую дверь, приложив некоторые усилия, и пропустил ее в неожиданно просторное гулкое помещение со сводчатым потолком и деревянными балками. Вдоль каменных стен стояло несколько стульев, а на дощатом полу через небольшие интервалы лежали прямоугольные коврики голубого цвета.

– Сюда вы будете приходить, чтобы заниматься с инструктором йогой и медитацией, – сказал Яо. – Вы будете проводить здесь много времени.

В комнате было тихо и прохладно, на призрачный запах вина накладывался аромат благовоний. Здесь царила атмосфера покоя и умиротворения, и хотя Фрэнсис не была поклонницей йоги, но сразу решила, что ей здесь будет хорошо. Много лет назад она записалась на курс трансцендентальной медитации, надеясь на просветление, и каждый раз без единого исключения начинала клевать носом через две минуты попыток сосредоточиться на дыхании. Проснувшись в конце занятия, она узнавала, что все остальные видели вспышки света, картины из прошлых жизней и ощущали восторг или что-то такое, пока Фрэнсис дремала и пускала слюни. Получается, она платила за сорокаминутный сон раз в неделю. Она явно будет проводить в этой студии немало времени в дремоте, и ей будут сниться сны о вине.

– Раньше, когда здесь был виноградник, в подвале помещалось до двадцати тысяч бутылок. – Яо показал на стены, хотя полка для хранения вина больше не было. – Но первоначально дом использовался то как склад, то как тюрьма, а то и как укрытие от бандитов.

– Если бы стены могли говорить, – пробормотала Фрэнсис. Ее внимание привлек большой плоский экран, висящий на одной из балок. – Что это? – (Экран казался здесь совсем не на месте после рассказа Яо о ранней колониальной истории дома.) – Я думала, мы в среде, свободной от гаджетов.

– Совершенно свободной, – согласился Яо и, нахмурившись, посмотрел на экран. – Но мы недавно установили систему безопасности и интерком, так что теперь, когда возникает необходимость, можно связываться друг с другом, находясь в разных концах пансионата. Территория тут довольно большая, а безопасность наших гостей имеет безусловный приоритет. – Здесь он резко изменил тему. – Уверен, Фрэнсис, *это* вас заинтересует.

Он провел ее в угол помещения к кирпичу, почти невидимому за одной из балок потолка. Фрэнсис надела очки и прочла вслух аккуратную надпись: «Адам и Рой Вебстеры, каменщики, 1840».

– Братья-каменщики, – сказал Яо. – Считается, что они сделали это втайне от всех.

– Молодцы! – воскликнула Фрэнсис. – Они гордились своей работой. И было чем гордиться.

Они молча разглядывали надпись несколько секунд, потом Яо хлопнул в ладоши:

– Ну, идемте наверх.

Они поднялись по лестнице в дом и дальше, к еще одной стеклянной двери, на которой было написано одно слово: «СПА».

– Последнее, но не по важности, – это спа, где вам будут делать массаж и другие предписанные процедуры. – Проводник открыл дверь, и Фрэнсис, как собака Павлова, с готовностью

потянула носом аромат эфирных масел. – Здесь размещалась еще одна гостиная, также переделанная, – осторожно сказал Яо.

– Я вижу, вы старались сохранить первоначальный замысел.

Фрэнсис похлопала его по руке, вглядываясь в тускло освещенную комнату. Она слышала звук падающих капель и один из этих глупых, но божественно расслабляющих саундтреков – того, что с налетающими на берег волнами, звуками арфы и кваканьем лягушек.

– Все спа-процедуры факультативны, но входят в пакет, так что пугающих счетов в конце курса вы не получите, – пояснил Яо, закрыв дверь.

– Я читала об этом на вашем сайте, но не верила, что такое возможно, – неискренне сказала Фрэнсис, потому что иначе она тут же пожаловалась бы в Департамент добросовестной конкуренции. Она постаралась выглядеть восхищенной: похоже, Яо имел личные основания гордиться чудесами «Транквиллум-хауса».

– Это правда, Фрэнсис, – произнес Яо ласково, как родитель, сообщающий маленькой дочке, что завтра и в самом деле Рождество. – А теперь мы заглянем сюда и возьмем у вас кровь на анализ и все остальное.

– Прошу прощения – что? – переспросила Фрэнсис, когда он провел ее в комнату, похожую на врачебный кабинет. Она чувствовала себя ошеломленной. Разве они говорили не о спа-процедурах?

– Присядьте здесь. – Яо накрутил манжету ей на руку и принялся энергично накачивать грушу. – Возможно, давление у вас выше обычного, – отметил он. – Люди испытывают стресс и нервничают, когда приезжают. Они чувствуют усталость с дороги, это естественно. Но я вам скажу, что не знаю ни одного гостя, у которого давление не нормализовалось бы к моменту отъезда.

– Мм, – протянула Фрэнсис.

Она смотрела на Яо, записывающего показания. Фрэнсис не спросила, высокое или низкое у нее давление. У нее оно частенько бывало пониженным. Ее проверяли на гипотонию, потому что у нее случались обмороки. Если наступала обезвоженность или усталость, если она видела кровь, в глазах у нее темнело и мир начинал заваливаться набок.

Яо надел зеленые одноразовые перчатки. Фрэнсис отвернулась, вперила взгляд в точку на стене. Он затянул жгут на ее руке, похлопал ее по предплечью.

– Отличные вены, – сказал он.

Медицинские сестры нередко хвалили вены Фрэнсис. Она сразу же испытывала чувство гордости, а потом что-то вроде депрессии, потому что зачем тратить позитивную оценку на такую мелочь.

– Я, вообще-то, и не знала, что вы будете делать анализ крови, – сказала Фрэнсис.

– Ежедневно, – весело сказал Яо. – Это очень важно, потому что позволяет нам соответствующим образом изменять ваш лечебный курс.

– Мм, вообще-то, я не прочь отказаться от этой опции...

– Крохотный укольчик, – сказал Яо.

Фрэнсис перевела взгляд на руку, потом быстро отвернулась, увидев пробирку, заполняющуюся ее кровью. Она даже не ощутила введения иглы в вену. Она сразу же почувствовала себя бессильной, как ребенок, вспомнила о нескольких случаях из своей жизни, когда ложилась в больницу для мелких операций, о том, как ей не нравилось, когда она теряла контроль над собственным телом. Сестры и доктора имели право пихать в нее что угодно без всякой любви, желания или привязанности, просто из своих профессиональных потребностей. У нее всегда уходило несколько дней на то, чтобы полностью восстановить власть над собой.

А у этого молодого человека, который сейчас угощается ее кровью, хотя бы медицинское образование есть? Стоило ли вообще сюда приезжать?

– Надеюсь, вы достаточно квалифицированы?.. – Она хотела сказать: «Вы хоть понимаете, что делаете, черт побери?!»

– В прошлой жизни я работал парамедиком, – ответил Яо.

Она посмотрела ему в глаза. Может, он немного не в себе? Он что, хотел сказать, что был парамедиком в прошлой инкарнации? С этими просветленными никогда толком не знаешь.

– Вы же не имеете в виду в буквальном смысле – в прошлой жизни?

Яо громко рассмеялся. Абсолютно нормальный смех.

– Это было лет десять назад.

– И вы скучаете по прошлому?

– Совершенно не скучаю. Я страстно влюблен в работу, которой мы тут занимаемся. – Его глаза горели; может быть, он все же слегка безумен. – Ну вот и все. – Яо вытащил иглу и дал ей кусочек ваты. – Прижмите покрепче. – Он пометил пробирку и улыбнулся ей. – Отлично! А теперь проверим ваш вес.

– Зачем? Я приехала не для похудения. Я здесь... в общем, ради преобразования личности.

– Это для нашей статистики, – ответил Яо, убрал ватку, обмотал бинтом ее руку в локте и показал на весы. – Прошу.

Фрэнсис отвела глаза от дисплея. Она понятия не имела, сколько весит, и не стремилась это выяснить. Она знала, что могла бы и похудеть, и, конечно, в молодости весила гораздо меньше, но обычно Фрэнсис устраивало ее тело, если ничто не болело. Фрэнсис утомляли женские жалобы на избыточный вес, словно это была одна из великих загадок жизни. Ах уж эти новые ревнители похудения, строго придерживающиеся выбранного ими метода, худенькие женщины, называющие себя жирными, те, кто отчаянно призывал ее разделить их ненависть к собственному телу. «Ах, разве ты не впадаешь в депрессию, видя вот таких юных худеньких девушек?!» – «Ничуть», – отвечала Фрэнсис, добавляя еще масла на булочку.

Яо записал что-то на бланке в кремового цвета папке, на обложке которой было крупно напечатано ее имя: «ФРЭНСИС УЭЛТИ».

Это все больше походило на посещение врача. Фрэнсис чувствовала себя незащищенной, уязвимой и начинала жалеть, что вообще приехала сюда. Хотелось домой. Съесть булочку.

– Я бы очень хотела попасть в свой номер, – сказала она. – Дорога была долгая.

– Безусловно. Я запишу вас на срочный массаж поясницы, – кивнул Яо. – Получаса вам хватит, чтобы обосноваться, выпить приветственный фруктовый коктейль и прочитать приветственную брошюру.

– Звучит божественно!

Они прошли через столовую, где стояли ее лапочки-наркоторговцы Джессика и Бен с еще одним консультантом по велнессу, темноволосой молодой женщиной, на бейджике которой было написано имя Далила. Далила рассказывала своим подопечным уже известную Фрэнсис новость о необходимости слушать сигнальный колокол.

На пластиковом лице Джессики застыло выражение беспокойства настолько сильного, что ей почти удалось нахмуриться.

– А если я не услышу колокола?

– Тогда голову с плеч! – сказала Фрэнсис.

Все повернулись в ее сторону.

Бен, снова в бейсболке задом наперед, вскинул бровь.

– Шутка, – тихо проговорила Фрэнсис.

Она увидела, как два консультанта обменялись взглядами, не совсем ей понятными. Фрэнсис подумала, не спят ли они друг с другом. У них, наверное, такой акробатический, гибкий секс после накачки их молодых тел всем этим оздоровлением. Такой секс должен быть просто *превосходным*.

Яо повел ее назад к лестнице «Титаника». Едва поспевающая за ним Фрэнсис увидела спускающихся мужчину и двух женщин в оливково-зеленых халатах с эмблемой «Транквиллум-хауса».

Мужчина отстал и надел очки, чтобы внимательнее рассмотреть стены на площадке. Он был так высок, что халат на нем выглядел как мини-платье, из-под которого торчали очень белые и очень волосатые ноги с узловатыми коленями. Такие мужские ноги вызывают чувство неловкости, словно смотришь на сокровенную часть тела.

– Я хочу сказать, что такого мастерства сегодня уже не встретишь! – произнес он, не отрывая взгляда от стены. – Вот что мне нравится в таких домах: внимание к деталям. Вы вспомните те плитки, что я показывал вам ранее. Ведь это же просто поразительно кто-то тратил время, чтобы каждую плиточку... Яо, привет еще раз! А вы новенькая, да? Здравствуйте. – Он снял очки, улыбнулся Фрэнсис, протянул руку и прокричал: – Наполеон!

Ей потребовалась целая секунда, чтобы понять, что он представляется, а не просто почему-то выкрикивает наобум имя исторического деятеля.

– Фрэнсис, – сказала она через мгновение.

– Рад познакомиться! На десятидневный курс, я полагаю?

Он стоял на несколько ступенек выше, так что выглядел еще длиннее. Ей пришлось задирать голову, словно она разговаривала с памятником на постаменте.

– Да. – Фрэнсис с трудом сдержалась, чтобы не отпустить замечания по поводу его роста. От своего шестифутового приятеля Иэна она знала, что высокие люди прекрасно осознают, что они высокие. – Именно на десятидневный.

Наполеон кивнул на женщин, стоявших ниже:

– И мы тоже! А это мои прекрасные девочки – жена Хизер и дочь Зои.

Обе женщины были тоже примечательно высоки. Они сдержанно и вежливо улыбнулись ей, как члены семьи знаменитости, привыкшие к тому, что им приходится ждать, пока поклонники не завершат свои приставания, вот только в данном случае разговорчивость одолела самого Наполеона. Жена Хизер стояла, чуть покачиваясь на носках. Она была жилистой, с чрезвычайно морщинистой загорелой кожей, словно ее скомкали, а потом разгладили. «Хизер – играю мизер», – подумала Фрэнсис. Довольно подленькая запоминалка, но Хизер все равно о ней не узнает. У жены Наполеона были дымчатые волосы, убранные в тугий хвостик, и воспаленные глаза. Женщина выглядела решительной и энергичной, но Фрэнсис не видела в этом ничего страшного: у нее были такие друзья и она знала, как с ними обращаться. Никогда не пытайся их превзойти.

У дочери Зои был отцовский рост и небрежная спортивная грация девушки, ведущей активный образ жизни. «Зои – сотрясем устои»? Судя по ее виду, лечебный пансионат был ей ни к чему. Куда уж быть еще моложе?

Фрэнсис подумала о молодой паре, Бене и Джессике, которые, казалось, тоже могли похвастать завидным самочувствием. Неужели оздоровительные пансионаты посещают только те, у кого и без того нет проблем со здоровьем? Она никогда не была самой неуспевающей в классе, за исключением класса трансцендентальной медитации для начинающих.

– Мы решили проведать горячие источники, может, помокнем немного, – сказал Наполеон Яо и Фрэнсис, словно они о чем-то его спрашивали. – Потом поплаваем в бассейне.

Они явно принадлежали к тем активным семьям, которые, войдя в номер отеля, швыряли на пол свои сумки и сразу же отправлялись на поиски впечатлений.

– Я собираюсь вздремнуть перед внеплановым массажем, – сказала Фрэнсис.

– Прекрасная мысль! – воскликнул Наполеон. – Вздремнуть и массаж. Идеально. Правда, удивительное место? И горячие источники, говорят, просто невероятные.

Наполеон явно был человеком восторженным.

– Не забудьте только обязательно восстановить водный баланс после горячих источников, – напомнил Яо. – На входе есть бутылки с водой.

– Непременно! А потом вернемся как раз к благородному молчанию!

– Что за благородное молчание? – спросила Фрэнсис.

– Фрэнсис, со временем вам все станет ясно, – пообещал инструктор.

– Вы найдете это в вашем информационном пакете, – сказал Наполеон. – Маленький сюрприз. Я никак не ожидал, что придется помолчать. Слышал, конечно, о пансионатах, где такое практикуют, но, должен признаться, они меня не привлекали. Сам-то я люблю поговорить, вот мои девочки подтвердят. Но мы потерпим, поплывем в общем потоке!

Он продолжал говорить на утешительный манер хронического говоруна, а Фрэнсис наблюдала за его женой и дочерью, стоящих ниже на лестнице. Дочка, на которой были черные шлепки, поставила одну ногу на ступеньку повыше и подалась вперед, словно потихоньку растягивала бедренные мышцы. Мать наблюдала за дочерью, и Фрэнсис увидела на ее лице намек на улыбку, тут же сменившуюся выражением абсолютного отчаяния, от которого все черты опали, будто она втянула щеки. Но в следующее мгновение это выражение пропало, и женщина доброжелательно улыбнулась Фрэнсис. Фрэнсис почувствовала, что увидела нечто такое, чего ей не следовало видеть.

– Фрэнсис, это не вы приехали в «ламборджини»? Я видел из нашего номера. Это черт знает какая машина!

– Нет, не я. У меня «пежо», – сказала Фрэнсис.

– Прекрасная машина! Хотя, я слышал, эти гиены на их станции техобслуживания вцепляются в тебя, как в раненого льва, правда?

Он сладострастно нанизывал метафоры одну на другую и явно принадлежал к тем людям, которые на любой вопрос отвечают доброжелательно и энергично. Фрэнсис такие нравились.

– Па, – сказала «Зои – сотрясем устои». – Дай уже даме пройти. Она, наверное, хочет попасть в свой номер.

– Прошу прощения, встретимся за обедом! Хотя за обедом мы не будем болтать, верно? – Он заговорщически подмигнул и усмехнулся, но в его глазах Фрэнсис заметила загнанное, испуганное выражение. – Приятно было познакомиться! – Он похлопал Яо по плечу. – Увидимся, дружище Яо.

Фрэнсис последовала за Яо вверх по лестнице. На площадке он повернул направо, повел ее по ковровой дорожке мимо стен с историческими фотографиями, которые она собиралась изучить позже.

– Это крыло было пристроено к дому в тысяча восемьсот девяносто пятом, – сказал Яо. – Во всех комнатах сохранились оригинальные каминные с мраморными полками георгианского стиля. Хотя, конечно, вы не станете топить камин в такую жару.

– Никак не думала, что к вам приезжают семьями, – заметила Фрэнсис. – Должна признаться, я предполагала, что у вас будет больше... таких, как я.

Толще меня, Яо. Гораздо толще.

– К нам в «Транквиллум-хаус» приезжают люди всевозможных жизненных ситуаций, разного общественного положения, – отозвался Яо, отпирая дверь ее номера большим старомодным ключом.

– Вероятно, все же не *все* могут... – задумчиво начала Фрэнсис, потому что, о чем говорить, пансионат этот далеко не дешевый, но осеклась, когда Яо открыл перед ней дверь.

– Прошу.

Она увидела просторную комнату с роскошным ковром и старинной мебелью, включая громадную кровать с балдахином. Распахнутые створки остекленной двери вели на балкон, с которого открывался великолепный вид: до самого горизонта раскинулось лоскутное одеяло виноградников, фермерских домов и где золотистой, где зеленой земли. В небесах летали стаи

птиц. Ее сумка, верная старая подруга, ждала в углу. На кофейном столике стояли фруктовая корзинка и стакан зеленого густого сока, украшенный клубничной. Все, кроме сока, выглядело чрезвычайно привлекательно.

– Это ваш приветственный коктейль, – сказал Яо. – У вас будет шесть органических коктейлей в день, приготовленных в соответствии с вашими меняющимися индивидуальными потребностями.

– Надеюсь, он не из пырея? Я как-то раз глотнула коктейль из пырея – на всю жизнь отбило охоту.

Яо протянул ей напиток:

– Поверьте мне, это вкусно! – (Фрэнсис с сомнением посмотрела на стакан.) – Коктейли обязательны, – доброжелательно подсказал Яо.

От этого мысли путались, потому что по интонации можно было подумать, что он говорит: «Хотите пейте, хотите нет».

Фрэнсис пригубила.

– Ого! – удивленно сказала она, почувствовав вкус манго, кокоса и ягод; все равно что выпить тропический коктейль на отдыхе. – Довольно неплохо. Очень даже.

– Да, Фрэнсис. – Яо называл ее по имени с частотой отчаявшегося агента по торговле недвижимостью. – И хорошая новость в том, что он не только вкусен, но и полон природных целебных свойств! Пожалуйста, непременно выпейте весь стакан.

– Обязательно, – покладисто сказала она; наступила неловкая пауза. – Так вы имеете в виду сейчас? – Она сделала еще один большой глоток. – Вкуснятина.

– Ежедневные коктейли – важная составляющая вашего оздоровительного курса! – улыбнулся Яо.

– Черт возьми, я хочу, чтобы мой оздоровительный курс стартовал немедленно!

– Я вас прекрасно понимаю, – сказал Яо.

Она посмотрела ему в глаза. Насколько она могла судить, иронии в них не было. Он собирался изгнать и из нее это чудовище.

– Я вас оставлю, чтобы вы отдохнули. Вот ваш приветственный пакет. Пожалуйста, прочтите, потому что там важные инструкции на следующие двадцать четыре часа. Благородное молчание, о котором говорил Наполеон, скоро должно начаться, и я знаю, вам это покажется полезным. Да, и если уж мы заговорили о тишине, Фрэнсис, я уверен, вы догадываетесь, о чем я попрошу вас теперь! – Он выжидательно посмотрел на нее.

– Понятия не имею. Надеюсь, брать кровь вы у меня больше не будете?

– Настало время передать мне все ваши электронные девайсы, – сказал Яо. – Мобильник, планшеты – все.

– Нет проблем. – Фрэнсис вытащила из сумочки телефон, выключила и протянула Яо.

К ней незаметно подкралось что-то вроде чувства услужливой подчиненности, и не сказать, чтобы это было так неприятно. Так чувствуешь себя в самолете: загорелась надпись, призывающая пристегнуть ремни, и теперь вся ответственность за жизнь пассажиров переходит в руки экипажа.

– Прекрасно. Спасибо. Теперь вы официально вне пределов досягаемости! – Яо поднял ее телефон. – Он будет в безопасном месте. Некоторые гости говорят, что цифровая детоксикация – один из самых приятных элементов проведенного с нами времени. Когда придет пора уезжать, вы сами станете просить: «Не возвращайте его, не нужен мне этот телефон!»

Он жестом продемонстрировал, как именно люди отмахиваются от своих гаджетов.

Фрэнсис попыталась представить себя через десять дней и обнаружила, что это до странности трудно, словно она пыталась вообразить будущее через десять лет. Неужели она и в самом деле изменится? Похудеет, повеселеет, избавится от болей, сможет вскакивать с кровати с рассветом без кофеина?

– Не забудьте про массаж в спа, – напомнил Яо. – Да, и еще этот ваш нехороший порез! – Он подошел к туалетному столику, выбрал тюбик из набора фирменной косметики «Транквиллум-хауса» и сказал: – Давайте посмотрим на него.

Фрэнсис выставила палец, и Яо осторожно выдавил на порез целебный прохладный гель.

– Ваш путь к здоровью и духовной гармонии начался, Фрэнсис, – торжественно объявил он, не отпуская ее руку, и если обычно в такой ситуации Фрэнсис насмешливо фыркнула бы, то теперь почувствовала, что вот-вот готова заплакать.

– Яо, я и в самом деле неважно себя чувствовала в последнее время, – жалобно проговорила она.

– Я знаю. – Яо положил обе руки ей на плечи, и это не показалось ей ни глупым, ни сексуальным. В этом было что-то целительное. – Мы вас вылечим, Фрэнсис. Вы будете себя чувствовать так прекрасно, как никогда в жизни. – Он вышел и закрыл за собой дверь.

Фрэнсис описала неторопливый круг в ожидании того неизбежного укола тоски, которая охватывает всякого одинокого путешественника, но вместо этого ее настроение воспаряло ввысь. Она не была одинока. О ней заботился Яо. Она была на пути к здоровью и миру в душе.

Фрэнсис вышла на балкон, чтобы восхититься видом, и ахнула. Мужчина на соседнем балконе так сильно перевесился через перила, что, казалось, мог выпасть в любую секунду.

– Осторожнее! – предостерегающе сказала она, но только вполголоса, чтобы не испугать его.

Мужчина повернулся в ее сторону, поднял руку и улыбнулся. Это был Бен. Она узнала бейсболку и помахала в ответ.

Повысив голос, они могли бы прекрасно слышать друг друга, но лучше было делать вид, что они слишком далеко друг от друга, чтобы говорить, иначе будут вынуждены заговаривать каждый раз, когда одновременно выйдут на балкон, да и за едой будет предостаточно обязательной болтовни.

Она посмотрела в другом направлении и увидела ряд одинаковых балконов, тянувшихся до конца дома. Из всех окон открывался один и тот же вид. Другие балконы были пусты. Вдруг на один из них – в самом конце дома – вышла женщина. Разглядеть ее лицо на таком расстоянии было невозможно, но Фрэнсис, расположенная к дружелюбности, помахала ей. Женщина мгновенно развернулась и исчезла в своем номере.

Ну, может быть, она и не видела Фрэнсис. А может, страдала невыносимым социальным беспокойством. Фрэнсис умела обращаться с застенчивыми людьми. Нужно просто подходить к ним не спеша, словно к маленьким лесным зверькам.

Фрэнсис снова повернулась к Бену, но тот уже ушел. Не ругается ли он до сих пор с Джессикой, подумала она. Они находились в соседнем номере, так что, если между ними начнется серьезная разборка, Фрэнсис, наверное, услышит. Как-то раз во время тура в поддержку новой книги она остановилась в отеле с тонкими стенами, где имела удовольствие слышать громкие и детальные разборки пары, касавшиеся их сексуальной жизни. Это было здорово.

«Не вижу ничего интересного в жизни совершенно чужих мне людей», – сказал ей как-то раз ее первый муж Сол, когда Фрэнсис пыталась объяснить ему, что незнакомые люди интересны по определению. Именно своей незнакомостью. Тем, что ты их не знаешь. Когда ты узнаешь о человеке все, значит ты готова к разводу с ним.

Фрэнсис вернулась в комнату, чтобы разобрать сумку. Было бы неплохо выпить чашку кофе с несколькими дольками шоколада, читая информационный пакет. Она не сомневалась: там будут правила, которым она предпочла бы не следовать; благородное молчание, которое вскоре должно было начаться, казалось, не предвещало ничего хорошего, и, чтобы справиться с этим, ей потребуется сладенькое. Кроме того, она не вполне следовала рекомендациям по уменьшению потребления сахара и кофеина в дни перед отъездом в пансионат, чтобы избежать абстинентного синдрома. Сейчас Фрэнсис не смогла бы справиться с головной болью.

Она пошла за контрабандой, которую хитроумно спрятала на самом дне сумки, под нижним бельем, завернутым в ночную рубашку. Она посмеивалась над собой, обустраивая этот тайник: не станут же они проверять ее багаж. В конце концов, это не реабилитационный центр и не школа-интернат.

– Серьезно? – пробормотала она себе под нос.

Никакой контрабанды в сумке не было.

Фрэнсис вытащила всю одежду и разложила на кровати. Ее ярость увеличивалась с каждой секундой. Не могли же они и в самом деле... Ведь не могли?! Это просто бессовестно. И уж наверняка противозаконно.

Совершенно непорядочно.

Она перевернула сумку, потрянула ею. Ночная рубашка была здесь, аккуратно сложенная чьими-то руками, но кофе, чай, шоколад и вино определенно исчезли. Кто же это залезал в ее сумку? Это не мог сделать Яо. Он все время был с ней после ее приезда. Кто-то другой рылся в ее нижнем белье и конфисковал припасы.

Что ей делать? Позвонить в администрацию и сказать: «Кто-то взял мой шоколад и вино!» – она не могла. Нет, могла, но ей не хватало наглости. На сайте ясно было написано, что еда, кофе и алкоголь запрещены. Она нарушила правила, и ее поймали.

Она ничего не скажет, и они ничего не скажут. А в последний день ей все это вернут с понимающей улыбкой. Это будет что-то вроде возвращения заключенному его личных вещей.

Это было в высшей степени неловко.

Фрэнсис присела на край кровати и страдальчески посмотрела на привлекательную фруктовую корзинку. Рассмеялась и решила отнестись к произошедшему как к забавной истории, которой можно под настроение повеселить друзей, и с легким сердцем взяла из корзинки мандарин. Она вонзила ноготь большого пальца в его сочную серединку и тут услышала... Голос? Он доносился не из комнаты Бена и Джессики. Из другого номера. Послышался звук удара, а сразу же за ним – безошибочно узнаваемый звук бьющегося стекла.

Мужской голос громко, отчетливо произнес: «В жопу!»

«И в самом деле», – подумала Фрэнсис. Зловещие симптомы головной боли начали медленно пробираться в ее лоб.

Глава 7

ДЖЕССИКА

Джессика сидела на кровати с балдахином и пробовала матрас ладонью, а Бен стоял на балконе, одной рукой прикрыв глаза. Прекрасный вид не доставлял ему удовольствия.

– Да никто ее не угнал, я уверена, – заявила Джессика.

Она хотела, чтобы ее голос прозвучал беззаботно, но в последнее время ей никак не удавалось попасть в требуемую тональность, и что бы она ни говорила, все звучало излишне сурово.

– Да, но где они ее припарковали? – сказал Бен. – Вот чего я не могу понять. Я просто хочу знать, где она. В каком-нибудь подземном бункере? Ты обратила внимание, что, когда я спросил, поставили ли они ее под крышу, эта Далила, в общем-то, ушла от ответа?

– Мм, – уклончиво промычала Джессика.

Ей была невыносима мысль о ссоре из-за машины или из-за чего угодно. Все внутри сжималось, когда она вспоминала их последнее состязание на громкость голоса. Стоило им поссориться, у нее тут же начиналось несварение, в последнее время оно стало хроническим. Скандалы случались один за другим; они словно плыли по мелкой речке, постоянно налетая на подводные камни. Бам. Бам. Бам.

Джессика лежала на кровати, рассматривая светильник. Не паук ли это там, у шара? Дом был такой старый, темный, гнетущий. Она знала, что он исторический, но надеялась, что он подвергся модернизации. На стенах всюду виднелись трещины, в комнате чувствовался запах сырости.

Она повернулась на бок и посмотрела на Бена. Теперь тот опасно свешивался через перила балкона. О машине он заботился больше, чем о жене. Однажды Джессика увидела, как Бен провел рукой по капоту, и вдруг поняла, что ревнует. Бен прикасается к этой машине так нежно и чувственно, как когда-то прикасался к ней. Джессика собиралась сказать об этом их консультанту. Она записала это, чтобы не забыть. Она чувствовала, что это событие наполнено глубоким смыслом, что оно сильное, весьма важное и значительное. У Джессики в глазах начинало щипать от слез, когда она думала об этом. Если их психолог когда-нибудь напишет книгу о своей работе в качестве консультанта по вопросам семьи и брака, то, вполне вероятно, включит в нее и эпизод про Джессику: «Однажды у меня был пациент, который относился к машине с большей нежностью, чем к жене». Главное – не упоминать, что это была «ламборджини», потому что читатели-мужчины наверняка станут говорить: «Ну, тогда понятно».

Ей хотелось, чтобы «интенсивные консультации для семейных пар», заявленные как часть лечебной программы, начались как можно скорее, но Далила, их консультант по велнессу, дала раздражающе неопределенный ответ на вопрос о сроках. Джессика думала, станет ли консультант расспрашивать об их сексуальной жизни и удастся ли ей – Джессика предполагала, что консультант будет женщиной, – скрыть удивление, когда она узнает, что их сексуальная жизнь практически прекратилась, ну, типа свелась к разу в неделю, а это означало, что их брак фактически дышит на ладан.

Джессика не знала, сможет ли она говорить о сексе с консультантом. Консультант, возможно, автоматически придет к выводу, что она не очень хороша в постели или что у нее какие-то интимные, гинекологические проблемы. Джессика и сама стала задумываться об этом.

Она явно была готова к новым операциям (даже там, внизу) или к прохождению курса. Прочесть книгу. Увеличить опыт. Она всегда была готова к улучшениям, не чуралась советов

специалистов. Много читала о самопомощи. Гуглила. Бен никогда в жизни не прочел ни одной книги о самопомощи.

Бен вернулся с балкона; приподнял футболку, чтобы почесать живот. Живот выглядел просто отлично, хотя никаких упражнений для пресса Бен сроду не делал.

– Писательница, с которой мы познакомились, поселилась в соседнем номере, – сказал он. Затем взял из фруктового набора яблоко и принялся перекидывать из руки в руку, как бейсбольный мяч. – Фрэнсис ее зовут. Как думаешь, она почему здесь?

– Думаю, хочет похудеть, – сказала Джессика.

Типа чего тут сомневаться. Ей это казалось очевидным. Фрэнсис выглядела жирноватой, как и все женщины средних лет. Джессика никогда такого не допустит. Скорее умрет.

– Думаешь? – ответил Бен. – Какое это может иметь значение в ее возрасте? – Ответа он не стал ждать. – Какие книги она пишет?

– Я их любила, – сказала Джессика. – Все прочла. Одна из них называлась «Поцелуй Натаниэла». Я читала в школе, роман был такой... романтический, я думаю.

Слово «романтический» было слишком слабым, чтобы описать те чувства, которые эта книга пробудила в ней. Она помнила, как безутешно рыдала, а потом много раз перечитывала последнюю главу, чтобы еще раз поплакать с удовольствием. Можно сказать, что Натаниэл был первым мужчиной, которого она по-настоящему полюбила.

Бену она не могла об этом сказать. Он никогда не читал романы. Он бы не понял.

Не было ли это одной из проблем их брака? Ведь она даже не пыталась откровенно поговорить с ним о том, что было для нее важным. Или это не имело значения? Она не испытывала ни малейшего желания слушать о его страсти к машине. О своей машине он мог сколько угодно разговаривать с приятелями. Она могла обсудить свое девичье увлечение романом «Поцелуй Натаниэла» с подругами.

Бен откусил от яблока огромный кусок. Джессика со своими новыми дорожными зубными коронками теперь так не могла. Дантист хотел, чтобы на ночь для их защиты она надевала капшу. Ей действовало на нервы то, что чем более дорогими вещами она обзаводилась, тем больше о них приходилось беспокоиться. Так же было и с новым ковром в их прихожей. Ни ей, ни ему нелегко было заставить себя пройти по такой дорожной штуке. Они на цыпочках проходили по кромке и морщились, когда их гости в грязных кроссовках шли прямо посередине.

– Коктейль был очень неплох, – сказал Бен с набитым яблоком ртом. – Но я умираю с голода. Не знаю, выдержит ли мой организм десять дней без пищи. Не понимаю, зачем нам это голодание! Какое это имеет отношение к консультациям по вопросам брака?

– Я тебе говорила, – ответила Джессика. – Это типа комплексный подход. Мы должны совершенствовать все: наш разум, тело, дух.

– Это похоже на кучу... – Он оборвал себя, подошел к ряду выключателей на стене и начал играть с тем, что управлял вентилятором в потолке.

Врубил его на вихревую скорость.

Джессика положила себе на лицо подушку и постаралась как можно дольше продержаться без слов «выключи его». Прежде она не задумываясь заорала бы: «Да господи ты боже мой, выключи его, идиот!» – а он бы рассмеялся, но выключать бы не стал. И ей бы не позволил, и они бы изобразили что-то вроде борьбы.

Они раньше чаще смеялись?

В те времена, когда она работала в администрации, а он слесарем-жестянщиком у Пита, когда Бен водил восьмицилиндровый «коммодор», на который никто не оглядывался, а она носила чуть ли не детский бюстгальтер и ее сиськи тоже ни у кого не вызвали желания оглянуться. Когда они считали, что сходить в один вечер и в кино, и в местный ресторан тайской кухни – чистое транжирство, а ежемесячная выписка расходов по кредитке была жутким стрессом, однажды она даже расплакалась.

Она не хотела верить, что раньше было лучше. Если так, то ее мать оказалась права, а это само по себе было для нее невыносимо.

Бен перевел вентилятор в более спокойный режим. Джессика убрала подушку с лица, закрыла глаза и почувствовала, что ее сердце бьется от страха перед чем-то неизвестным и не имеющим названия.

Это напомнило ей тот головокружительный страх, который она испытала в день ограбления. Два года уже прошло с того дня, когда она вернулась с работы домой и обнаружила, что их квартира на первом этаже разорена, их вещи разбросаны повсюду с агрессивным, злобным остервенением, все ящики открыты, на белой футболке черный отпечаток подошвы, всюду осколки стекла.

Бен появился дома несколько минут спустя:

– Какого дьявола?

Она не знала, подумал ли он тогда о своей сестре. А вот она подумала.

У сестры Бена Люси были проблемы с душевным здоровьем. Этим эвфемизмом пользовалась милая страдалница-мать. На самом деле сестра Бена была наркоманкой.

Жизнь Люси представляла собой бесконечные русские горки, вверх и вниз, вверх и вниз. Люси пропала. Никто не знал, где она. Люси вернулась посреди ночи и разгромила дом. Матери Бена пришлось вызывать полицию. Они решили провести курс лечения. Но иначе, чем предыдущий, на сей раз все должно было получиться. Люси вела себя пристойно. Говорила о реабилитации. Люси поместили в реабилитационный центр. Люси выписали из центра. Люси снова попала в аварию. Люси снова забеременела. Люси была в жопе, и конца этому не предвиделось, и, поскольку Джессика не знала, какой Люси была прежде, Люси, о которой говорили, что она забавная, умная и добрая, Джессике было трудно ее не ненавидеть.

Люси была причиной подспудного беспокойства, разлитого в воздухе каждый раз, когда семья Бена принимала гостей. Появится ли она в очередной раз, будет требовать денег, или выкрикивать оскорбления, или проливать крокодиловы слезы, «ведь она всего лишь хотела быть настоящей матерью двоим своим детишкам», которых она не способна была воспитывать?

Все знали, что Люси ворует. На барбекю в доме Бена деньги нужно было держать при себе. Так что вполне естественно, первая мысль Джессики, когда она в тот день вошла в дом, была о Люси.

Джессика изо всех сил пыталась не говорить этого, но не смогла удержаться. Всего одно слово. Ей бы хотелось забрать его назад. Она произнесла его даже не с вопросительной интонацией, а как утверждение. Она жалела, что не сказала хотя бы «Люси?».

Она помнила, как Бен отрицательно покачал головой. На его лице застыло мрачное выражение, было ясно, что ему стыдно.

Джессика тогда подумала: «Откуда ты знаешь, что это не она?»

Но оказалось, он был прав. Это ограбление не имело к Люси никакого отношения. Сестра Бена в тот день находилась в другой части страны. Потери их были невелики, потому что и терять-то им особо было нечего: старый айпад с треснутым экраном, ожерелье, которое Бен подарил Джессике на двадцать первый день рождения. В нем была крохотная бриллиантовая подвеска, и стоила эта вещица двух его месячных жалований. Она любила это ожерелье и до сих пор оплакивала его потерю, пусть это и была дешевенькая безделушка с бриллиантом всего в четверть карата. Остальные драгоценности Джессики воры отвергли, и для нее это было унижительно. Джессика и Бен тяжело переживали, что кто-то пришел в их дом, облазил его, насмешливо перебирая их вещи, словно барахло в третьесортной лавке.

Страховая компания без проблем выплатила премию, удержав пятьсот долларов. Это вызвало негодование Бена и Джессики: они ведь не напрашивались на это ограбление.

Происшествие было вполне себе заурядным, но в результате привело к тому, что их жизнь коренным образом изменилась.

– Что это ты так на меня уставилась? – спросил Бен. Он стоял в изножье кровати и смотрел на нее.

Джессика поморгала:

– Как – так?

– Будто хочешь отрезать мне яйца ножом для сыра.

– Что? Я даже не на тебя смотрела. Я думала.

Дожевывая остатки яблока, он вскинул бровь. В первый раз, когда они встретились на уроке математики мистера Мунро, он сделал то же самое: невозмутимое, лаконичное движение левой бровью. Это в буквальном смысле был самый крутой жест, какой она видела за всю жизнь, и, может быть, если бы он вскинул обе брови, а не одну, она бы в него не влюбилась.

– У меня даже нет ножа для сыра, – сказала Джессика.

Он улыбнулся и выбросил яблочный огрызок в мусорную корзину в другом конце комнаты, потом взял их приветственный пакет:

– Что, прочтем?

Он вскрыл пакет, из него вылетели бумаги. Джессика сдержалась – не стала хватать их и раскладывать в прежнем порядке. За бумажные дела отвечала она. Если бы не она, они бы никогда не получали возврата налогов.

Он открыл конверт с сопроводительным письмом.

– Так, значит, тут у нас «путеводитель» нашего «путешествия к здоровью и духовной гармонии».

– Бен, – сказала Джессика. – Из этого ничего не получится, если мы не...

– Знаю, знаю. Я отношусь к этому серьезно. Я проехал по этой дороге, разве нет? Разве это не говорит о моем ответственном отношении?

– Бога ради, не начинай опять про машину. – У нее слезы навернулись на глаза.

– Да я только хотел сказать... – Рот у него скривился. – Ладно!

Он пробежал письмо глазами, потом прочел вслух:

– «Добро пожаловать в ваше путешествие к здоровью и духовной гармонии – *и т. д. и т. п.* Ваш оздоровительный курс начнется с периода молчания, который продлится пять дней, в течение которых не будет никаких разговоров, кроме как на консультационных сессиях, не будет прикосновений, чтения, письма, глазных контактов с другими гостями или вашими спутниками...» Какого черта?

– Об этом написано на сайте, – сказала Джессика.

Бен продолжил читать вслух:

– «Вы, возможно, знакомы с термином „обезьяний мозг“. – Он посмотрел на Джессику, но та лишь пожала плечами, и он продолжил чтение: – Говоря „обезьяний мозг“, мы имеем в виду мозг, который перепрыгивает от мысли к мысли, как обезьяна перепрыгивает с ветки на ветку».

Бен изобразил обезьяний крик и поскреб себя под мышкой в качестве демонстрации.

– Спасибо. – Джессика почувствовала, как ее губы растянулись в улыбке.

Иногда у них все было хорошо.

– «Чтобы привести обезьяний мозг к молчанию, требуется не менее двадцати четырех часов. Период благотворного молчания и размышлений успокаивает разум, тело и душу. Наша цель будет состоять в том, чтобы прийти к тому прекрасному состоянию, которое в буддизме и называется „благородное молчание“».

– Значит, следующие пять дней мы будем избегать глазных контактов и не будем говорить? – поинтересовалась Джессика. – Даже когда одни в комнате?

– Ну не то чтобы у нас совсем не было такого опыта, – сказал Бен.

– Очень смешно, – произнесла Джессика. – Дай-ка мне.

Она взяла письмо и стала читать:

– «Мы просим, чтобы во время молчания вы ходили по дому медленно, осмысленно, ступая с пятки на носок, избегая глазных контактов и разговоров. Если у вас возникнет потребность поговорить с кем-нибудь из персонала, просим вас пройти в приемную и следовать инструкциям на ламинированной голубой карточке. Будут проводиться ежедневные медитационные сессии с инструктором – как прогулочные, так и сидячие. Пожалуйста, слушайте колокол». – Она отложила письмо. – Это будет довольно экстравагантно. Нам придется есть с незнакомыми людьми в полном молчании.

– Ну, это лучше, чем скучный пустой разговор. – Бен посмотрел на нее. – И что, будем следовать их правилам? Мы могли бы разговаривать у себя в комнате, и никто бы об этом не узнал.

Джессика задумалась.

– Я считаю, мы должны делать все по правилам, – сказала она. – А ты? Пусть это кажется глупым, но мы должны делать, как они говорят.

– Я не против, – отозвался Бен. – Пока они не прикажут мне прыгать в пропасть. – Он почесал шею. – Не понимаю я, что мы здесь будем делать.

– Я тебе говорила, – ответила Джессика. – Медитация. Йога. Спортивные упражнения.

– Да, – сказал Бен. – Но в промежутках. Если мы не можем говорить или смотреть телевизор, то что мы будем делать?

– Да уж, будет непросто. – Джессика думала, что ей будет не хватать социальных сетей больше, чем кофе. Она снова посмотрела на письмо. – «Молчание начинается с трех ударов колокола». – Она бросила взгляд на часы в комнате. – У нас осталось полчаса, в которые нам разрешено говорить.

«Или прикасаться друг к другу», – подумала она.

Они молча посмотрели друг на друга.

– Значит, молчание для нас не будет таким уж трудным испытанием, – заметил Бен.

Джессика рассмеялась, но Бен даже не улыбнулся.

Почему они сейчас не занимаются сексом? Разве не этим они занялись бы прежде? При чем без всяких разговоров.

Она должна сказать что-нибудь. Сделать что-нибудь. Это ведь ее муж. Она могла прикоснуться к нему.

Но ее удерживал какой-то крохотный страх, который закрался в ее голову в конце прошлого года и от которого она никак не могла избавиться. Ее тревожило то, как он смотрел или не смотрел на нее; то, как он сжимал челюсти.

В ее голове возникла и утвердилась мысль: «Он больше меня не любит».

Казалось, в этом было столько иронии: он мог окончательно ее разлюбить, а ведь она никогда не выглядела так хорошо. За последний год она вложила немало времени и денег (и боли!) в свое тело. Она сделала все, что можно было сделать: зубы, волосы, кожу, губы, сиськи. Все говорили, что результаты поразительные. Ее аккаунт в «Инстаграме» был полон комментариями вроде: «Джессика, ты высший класс!» и «Каждый раз, когда я тебя вижу, ты выглядишь все лучше и лучше». Единственным человеком, который не нашел для нее похвальных слов, был ее муж, и если он не считал ее привлекательной сейчас, когда она была хороша, как никогда, значит не считал никогда. Наверное, он все время притворялся. И зачем он вообще женился на ней?

«Прикоснись ко мне, – подумала она, терзаясь мучительным, тоскливым чувством. – Пожалуйста, пожалуйста, прикоснись ко мне».

Но он встал и подошел к фруктовой вазе:

– Мандарины выглядят неплохо.

Глава 8

ФРЭНСИС

Когда начались боли?

Фрэнсис лежала обнаженная на массажном столе, ее спину укрывало мягкое белое одеяло.

– Все снять и лечь под одеяло, – рявкнула массажистка, едва она появилась в спа.

Это была крупная женщина с короткими дымчатыми волосами и устрашающими манерами тюремного надзирателя или хоккейного тренера, совсем не та мягкоголосая деликатная массажистка, которую представляла себе Фрэнсис. Фрэнсис не расслышала имя, но была настолько поглощена соблюдением инструкций, что не стала переспрашивать.

– Недели три назад, – сказала Фрэнсис.

Массажистка положила ей на спину теплые ладони размером, кажется, с ракетку для пинг-понга. Неужели правда? Фрэнсис подняла голову проверить, но массажистка надела лопатки, и ее голова упала на прежнее место.

– И этому была какая-то конкретная причина?

– Ничего физического, – сказала Фрэнсис. – Но у меня был эмоциональный шок. У меня были отношения...

– Значит, никаких физических травм, – жестко отрезала массажистка.

Она явно плевать хотела на местный обычай говорить неторопливым гипнотическим голосом. Более того: она явно хотела, чтобы все разговоры заканчивались как можно быстрее.

– Нет, – попыталась возразить Фрэнсис. – Но я определенно чувствую, что два этих события связаны. Понимаете, у меня был шок, потому что мужчина, с которым я встречалась, вдруг исчез. Я очень отчетливо помню это. Я звонила в полицию, когда у меня возникли такие ощущения, словно меня ударили...

– Пожалуй, будет лучше, если вы помолчите, – сказала массажистка.

– Вы так думаете? – спросила Фрэнсис.

А ведь она собиралась рассказать этой страшной даме очень интересную историю! Она рассказывала ее уже несколько раз и чувствовала, что с каждым разом рассказ становился все лучше.

К тому же ей вскоре предстояли *пять дней* молчания, и она сомневалась, под силу ли ей справиться. Буквально только что, в машине, она была на краю ужасной бездны отчаяния и каким-то чудом сумела избежать падения. Молчание может снова отбросить ее на край этой бездны.

Массажистка надела своими гигантскими большими пальцами по обеим сторонам позвоночника Фрэнсис.

– Ой!

– Сосредоточьтесь на дыхании.

Фрэнсис вдохнула смесь эфирных масел с запахом цитрусовых и подумала о Поле. О том, как это началось, как закончилось.

Пол Дрэббл был американским гражданским инженером, с которым она познакомилась в Сети. Друг одного из ее друзей. Дружба, обернувшаяся чем-то большим. В течение шести месяцев он посылал ей цветы, подарочные корзины, записочки. Они часами разговаривали по телефону. Он вышел с ней на связь по «Фейстайм» и сказал, что прочел три ее книги и в восторге от каждой. Он со знанием дела говорил о персонажах, даже цитировал свои любимые

отрывки. Все это вызывало у Фрэнсис тайное чувство гордости. Иногда люди цитировали в качестве «любимого» такие места, что Фрэнсис только диву давалась. А потом чувствовала непонятное раздражение по отношению к таким поклонникам.

Он прислал фотографию своего сына Ари. Фрэнсис, которая никогда не хотела детей, без памяти влюбилась в этого мальчугана. Он был высок для своих лет. Любил баскетбол и хотел играть профессионально. Она собиралась стать мачехой Ари. Готовясь к этому, Фрэнсис прочла книгу «Воспитание мальчиков» и несколько раз вела приятные, хотя и короткие, разговоры с Ари по телефону. Говорил он немного, что и понятно, ведь мальчику было всего двенадцать, но иногда он смеялся над ее шутками, когда они общались по «Скайпу», а смеялся он тоненьким сухим смешком, от которого таяло ее сердце. Мать Ари – жена Пола – умерла от рака, когда Ари учился в подготовительном классе. Как это печально, как это ужасно, как это... «кстати»? – сказала одна из ее подружек, и Фрэнсис шлепнула ее по запястью.

Фрэнсис планировала переехать из Сиднея в Санта-Барбару. Она заказала билеты. Им нужно будет зарегистрировать брак, чтобы ей выдали грин-карту, но она не хотела торопиться. Если и когда это случится, она наденет что-нибудь с аметистом. Подходящий камень для третьего брака. Пол прислал ей фотографии комнаты в его доме, которую он выделил ей для работы. Там в ожидании ее книг уже стояли пустые стеллажи.

Когда раздался этот жуткий телефонный звонок посреди ночи, Пол был в таком состоянии, что едва мог говорить. Он плакал, сообщив ей, что Ари попал в жуткую автокатастрофу и возникла проблема со страховой компанией, а Ари срочно требуется операция. Фрэнсис не колебалась. Она отправила ему деньги. Огромные деньги.

– Простите, сколько вы отправили? – спросил молодой детектив, который тщательно записывал все, что сказала Фрэнсис, его профессионализм на секунду изменил ему.

Это была единственная ошибка Пола: он запросил слишком мало. Она бы отправила и в два, и в три, и в четыре раза больше – сколько угодно, чтобы спасти Ари.

А потом ужасающее молчание. Она сходила с ума. Она думала, что Ари умер. Потом – что умер Пол. Ее эсэмэски оставались без ответа, как и послания, уходившие в голосовую почту, как и ее электронные письма. Первое осторожное предположение высказала ее подруга Ди. «Пойми меня правильно, Фрэнсис, но, может быть...» Ди даже не закончила предложения. Это знание словно уже давно обитало где-то в подкорке Фрэнсис, даже когда она заказывала билет в один конец.

Она воспринимала это как личное, но оно не было личным. Это был бизнес. «Эти люди стали такими умниками, – сказал ей детектив. – Они профессионалы, они опытные, они выбирают женщин вашего возраста и ваших жизненных обстоятельств». Сочувствие на его красивом молодом лице было мучительным. Он видел перед собой пожилую даму в отчаянии.

Она хотела сказать: «Нет-нет, никакая я не женщина в возрасте и не женщина каких-то обстоятельств! Я – это я! Вы не видите *меня!*!» Она хотела сказать ему, что у нее никогда не было проблем с мужчинами, мужчины *преследовали* ее всю жизнь, мужчины, которые искренне ее любили, мужчины, которые хотели иметь с ней только секс, но они все были реальные мужчины, которые хотели ее такой, какая она есть, а не профессиональные мошенники, которым нужны ее деньги. Она хотела сказать ему, что разные люди не раз говорили, как она хороша в постели, а ее вторая подача вызывала оцепенение на теннисном корте, и хотя она никогда не готовила, но могла испечь отличный лимонный пирог с безе. Она хотела сказать ему, что она *настоящая*.

Она испытывала жуткий стыд. Она столько о себе рассказала этому жулику. Как он, вероятно, посмеивался над ней про себя, но вслух всегда говорил с чувством, юмором и отличной дикцией. Он был миражом, нарциссистским отражением ее самой, говорил точно то, что она явно хотела услышать. Она поняла несколько недель спустя после этого, что даже его имя, Пол Дрэбл, вероятно, было выбрано с целью начать акт соблазнения, поскольку подсознательно

напоминало ей о Маргарет Дрэббл, одном из ее любимых авторов, о чем она не раз писала и заявляла в интервью на всеобщее обозрение.

Выяснилось, что многие другие женщины планировали свои жизни в качестве мачех Ари. – Многие дамы оказались в такой же ситуации, что и вы, – сказал детектив.

Дамы. Боже мой, дамы! Она не могла поверить, что она дама. Это унылое, старомодное слово. Фрэнсис от него дрожь пробирала.

Каждый раз он действовал по-новому, но имя мальчика неизменно оставалось Ари, и он неизменно попадал в автокатастрофу, и трагический телефонный звонок всегда поступал посреди ночи. У Пола Дрэббла было много имен, каждое подкреплено тщательно срежиссированным онлайн-персонажем, а потому, когда дамы гуглили своих ухажеров – а они всегда это делали, – они видели именно то, что хотели видеть. Он, конечно, не был другом друга. По крайней мере, в том смысле, в каком это слово понимают в реальном мире. Он играл вдолгую. Открыл аккаунт в «Фейсбуке», изобразил интерес к старинной реставрированной мебели, поэтому его и приняли в фейсбучную группу, которой руководил муж ее университетской подруги. Когда он послал Фрэнсис запрос на дружбу, она уже прочла немало его (умных, острых, лаконичных) комментов к постам ее подруги, чтобы поверить, что он реальный человек в ее обширном кругу общения.

Фрэнсис встретилась с одной из таких женщин за чашечкой кофе. Женщина показала на своем телефоне фотографии спальни с постерами «Звездных войн» на стене, которую она обустроила для Ари. Постеры, вообще-то, были Ари не по возрасту – «Звездными войнами» он не увлекался, – но Фрэнсис оставила это соображение при себе.

Знакомство с мошенником ударило по этой женщине куда сильнее, и Фрэнсис в конечном счете выписала ей чек, чтобы та смогла встать на ноги. Друзья Фрэнсис за головы схватились, когда она сказала им об этом. Да, она отдала деньги еще одному незнакомому человеку, но для Фрэнсис это было способом вернуть утраченную гордость, снова стать собой, восстановить разрушенное этим человеком. Она не надеялась, что благодарственная открытка от подруги по несчастью поможет ей почувствовать себя лучше, но человек не должен совершать благородные поступки только в надежде на открытки.

Когда все закончилось, Фрэнсис собрала свидетельства своей глупости в одну папку. Все распечатки электронных писем, в которых она изливала свое глупое сердце. Открытки, приложенные к настоящим цветам с фальшивыми изъяснениями чувств. Письма, написанные от руки. Потом засунула папку в шкаф, но при этом, словно бритвой, порезала большой палец о кромку бумаги. Такой крохотный пустяковый порез, и столько боли.

Пальцы массажистки с силой вычерчивали круги. Тепло разливалось по пояснице Фрэнсис. Через отверстие в массажном столе она посмотрела на пол. Увидела ноги массажистки в кедах, на резиновых носках которых кто-то нарисовал маркером цветочки.

– Я влюбилась в интернет-жулика, – сказала Фрэнсис, испытывавшая потребность говорить; массажистке просто придется послушать. – Потеряла кучу денег.

Массажистка ничего не сказала, но хотя бы не повторила своего приказа закрыть рот. Ее руки безостановочно двигались.

– Я не столько расстроилась из-за денег, – нет, расстроилась, я много трудилась, чтобы их заработать, но некоторые теряют в таких разводках все, а я потеряла только... уважение к себе, я думаю, и... мою невинность.

Теперь ее понесло, но остановиться она уже не могла. Она слышала только ровное дыхание массажистки.

– Думаю, я всегда предполагала, что люди – такие, как они говорят о себе, и девяносто девять процентов людей хорошие. Я жила в идеальном мире. Никто меня не грабил. Никто не обманывал. Никто ни разу не ударил меня.

Это было не совсем так. Второй муж один раз ударил ее. Он заплакал. Она – нет. Они оба знали, что их брак в этот момент закончился. Бедняга Генри. Он был хорошим человеком, но они разбудили друг в друге что-то ужасное, у обоих возникло что-то вроде аллергической реакции.

Она вспоминала свои прошлые отношения. Она поделилась своей историей любовных связей с Полом Дрэбблом, а он поделился с ней своей. Он был так убедителен. Вероятно, частично он ей не врал. И это говорит писатель, который зарабатывает на жизнь сочинением подобных историй!

Идиотка, он же, конечно, мог выдумать историю своих любовных связей!

Она продолжала говорить. Лучше говорить, чем думать.

– Я честно думала, что влюблена в этого человека сильнее, чем была влюблена в кого-либо другого. Я была совершенно сама не своя. Но, с другой стороны, ведь любовь – это всегда затуманивание мозгов, правда?

Заткнись, Фрэнсис, ее это не интересует!

– Но в общем все это было очень... – ее голос зазвучал тише, – неловко.

Массажистка теперь не издавала ни звука. Фрэнсис не слышала даже дыхания. Словно ее массировал призрак с гигантскими руками. Интересно, подумала Фрэнсис, не считает ли она, что уж точно никогда на такое не попала бы.

И вот что было особенно унижительным: если бы кто-нибудь прежде попросил Фрэнсис показать человека, который с наибольшей степенью вероятности попадет на такую интернет-аферу, она выбрала бы кого-нибудь вроде этой женщины, с ее громоздкой фигурой, короткой стрижкой и сомнительными социальными навыками. И уж никак не себя.

– Извините, – сказала Фрэнсис, – я не расслышала вашего имени.

– Джен.

– Если позволите спросить, Джен, вы замужем... или состоите с кем-то в отношениях?

– Разведена.

– И я тоже, – сказала Фрэнсис. – Два раза.

– Но я недавно начала встречаться с одним человеком, – проговорила Джен, словно не могла удержаться.

– О, здорово! – Настроение Фрэнсис улучшилось. Разве есть что-нибудь лучше новых отношений? Вся ее карьера построена на чуде новых отношений. – И как вы познакомились? – спросила она.

– Он попросил меня подышать в трубочку, – сказала Джен со смешинкой в голосе.

Смех сказал Фрэнсис все, что ей требовалось знать. *Джен недавно влюбилась*. Глаза Фрэнсис вдруг наполнились слезами радости. Любовь никогда не умрет для нее. Никогда.

– Значит... он полицейский?

– Он полицейский в Джаррибонге, – сказала Джен. – Ему наскучило торчать у обочины, наобум проверяя водителей алкотестером, и, пока он ждал, когда появится другая машина для проверки, мы разговорились. Машина не появлялась два часа.

Фрэнсис попыталась вообразить Джен, болтающую два часа.

– И как его зовут? – спросила Фрэнсис.

– Гас, – ответила Джен.

Фрэнсис ждала, когда Джен расчувствуется, рассказывая о своем бойфренде. Она попыталась представить его себе. Гас. Местный коп. Широкоплечий, золотое сердце. У Гаса, вероятно, есть собака. Симпатичный такой пес. Гас, вероятно, увлекается резьбой по дереву. И наверное, у него хороший слух и он любит насвистывать. Вот он вырезает что-нибудь и насвистывает. Фрэнсис уже сама немного влюбилась в Гаса.

Но Джен замолчала, не захотев продолжать разговор о Гасе.

Спустя немного времени Фрэнсис вновь заговорила, словно Джен и в самом деле проявила интерес к ее рассказу.

– Знаете, я иногда думаю, может, оно того и стоило – те деньги, что я потеряла. Я заплатила их за шесть месяцев – даже чуть больше – чудесной дружбы. За надежду. Нужно отправить ему письмо по электронке, написать: «Слушайте, я знаю, что вы жулик, но я вам заплачу, если вы и дальше будете притворяться Полом Дрэбблом». – Она помолчала. – Конечно, ничего такого я не сделаю. – (Молчание.) – Забавно. Я ведь писатель, пишу любовные романы. Я зарабатываю деньги тем, что создаю вымышленных личностей, а тут сама влюбилась в одну такую.

Ни слова в ответ. Вероятно, Джен не читает книг. Может быть, откровения Фрэнсис заставляют ее чувствовать себя неловко. *Вот подожди, приеду домой – расскажу Гасу про эту лузершу-писательницу.*

Гас издаст протяжный низкий (мелодичный) свист удивления и сочувствия.

– Такое случается в больших городах, Джен.

Фрэнсис удалось помолчать несколько минут, пока Джен месила костяшками пальцев точку на ее пояснице. Она испытывала боль, но это была благотворная, это была такая необходимая боль.

– Джен, вы здесь каждый день с утра до вечера?

– Нет, время от времени, когда они вызывают.

– И вам нравится?

– Работа как работа.

– У вас здорово получается.

– Ага.

– Просто великолепно.

Джен ничего не ответила, и Фрэнсис закрыла глаза.

– Вы давно здесь работаете? – спросила она сонным голосом.

– Всего несколько месяцев, – ответила Джен. – Так что я новенькая.

Фрэнсис открыла глаза. В голосе Джен было что-то. Какой-то оттенок. Может быть, она все еще не прониклась философией «Транквиллум-хауса»? Фрэнсис подумала, не спросить ли ее о пропавшей контрабанде, но представила, как бы мог развиваться такой разговор:

– *Джен, мне кажется, кто-то порвался в моей сумке.*

– *Почему вы так думаете, Фрэнсис?*

– *Кое-что из нее пропало.*

– *А что именно?*

Без одежды она чувствовала себя недостаточно уверенно, чтобы признаться во всем.

– А что представляет собой директор? – спросила Фрэнсис, вспоминая почтительность, с которой Яо смотрел на закрытую дверь.

Молчание.

Фрэнсис смотрела на ноги Джен в ее огромных кедах. Они не шевелились.

Наконец Джен заговорила:

– Она относится к своей работе со страстью.

Яо тоже говорил, что относится к работе со страстью. Какой-то театральный язык звезд кино или мотивационного коучинга. Фрэнсис никогда не сказала бы так про себя, хотя уж она-то действительно страстно влюблена в свое дело. Если она слишком долго не садилась за письменный стол, то начинала сходить с ума.

Что, если ее совсем перестанут издавать?

Да и с какой стати ее издавать? Она не заслужила, чтобы ее издавали.

Не думай о рецензии.

– Страсть – дело хорошее, – проговорила Фрэнсис.

– Ага, – ответила Джен. Она нашла еще одну точку и теперь вонзала костяшки в нее.

– А ваша директор временами не бывает слишком страстной? – спросила Фрэнсис, стараясь понять, что Джен вкладывает в это слово, если только что-то вкладывает.

– Она очень внимательна к гостям и готова... делать все, что необходимо... чтобы им помочь.

– Все, что необходимо? – спросила Фрэнсис. – Это звучит...

Джен начала массировать ее плечи:

– Я вынуждена вам напомнить, что благородное молчание вот-вот начнется. Как только мы услышим третий удар колокола, должны будем сразу прекратить разговор.

Фрэнсис почувствовала, как на нее накатывает паника. Она хотела получить как можно больше информации, прежде чем начнется это отвратительное молчание.

– Когда вы говорите «все, что необходимо»...

– Я не могу сказать о здешнем персонале ничего плохого, – оборвала ее Джен. Голос ее теперь звучал немного механически. – Ваше благополучие – их главная цель.

– Звучит немного зловеще, – заметила Фрэнсис.

– Они достигают выдающихся результатов, – сказала Джен.

– Что ж, это хорошо.

– Ага, – согласилась массажистка.

– Значит, вы говорите, что некоторые методы, возможно, немного... – Фрэнсис пыталась подобрать подходящее слово. Она вспоминала отдельные негативные отзывы в Интернете.

Раздался звон колокола. Он отдавался от стен с мелодичной властью церковного, ясный и чистый.

Черт побери!

– Необычные? – поспешила продолжить Фрэнсис. – Я, видимо, просто слишком осторожна теперь, после того происшествия с интернет-жуликом. Обжегшись на молоке...

Второй удар, более громкий, чем первый, врезался в середину этого клише, отчего начало фразы глупо повисло в воздухе.

– Дуешь на воду, – прошептала Фрэнсис.

Джен с силой нажала на плечи Фрэнсис ладонями, словно делала искусственное дыхание, и наклонилась к ней, так что Фрэнсис почувствовала ее теплое дыхание на своем ухе.

– Не делайте того, что вам не нравится. Вот все, что я могу сказать.

Колокол зазвонил в третий раз.

Глава 9

МАША

Когда колокол прозвонил в третий раз, директор «Транквиллум-хауса» Мария Дмитриченко – для всех, исключая налоговую инспекцию, она была просто Маша – сидела в одиночестве в своем кабинете на последнем этаже здания. Даже отсюда она почувствовала, как в доме воцарилось молчание. Маша испытала чувство облегчения, словно вошла в пещеру или собор. Склонив голову, она задумчиво разглядывала свою любимую завитушку в форме отпечатка пальца на поверхности белой дубовой столешницы.

Шел третий день голодания, когда она потребляла только воду, а голодание всегда обостряло ее чувства. Окно кабинета было открыто, и она вдыхала великолепный чистый воздух, проникавший внутрь. Маша закрыла глаза, вспоминая, как она когда-то впервые вдыхала эти незнакомые волнующие запахи новой для нее страны: эвкалипты, свежескошенная трава, запах паров бензина.

Почему она подумала об этом?

Потому что бывший муж прислал ей вчера письмо по электронной почте – впервые за много лет. Она стерла мейл, не читая, но оказалось достаточно хотя бы на мгновение увидеть его имя, как оно проникло в сознание, а потому теперь самый слабый запах эвкалипта уносил ее на тридцать лет назад, превращая в человека, которым она была когда-то и которого теперь едва помнила. И все же она отчетливо помнила тот первый день, когда они так долго летели со всеми этими бесконечными пересадками – Москва, Дели, Сингапур, Мельбурн... Помнила, как они с мужем переглядывались, сидя на заднем сиденье микроавтобуса, дивясь всем этим огням. Как перешептывались, замечая улыбки на лицах совершенно незнакомых людей. Это было очень необычно! Такое дружеское расположение! Но потом – Маша первая заметила, – когда они отворачивали головы, их улыбки съеживались. Улыбка – пропала. Улыбка – пропала. В России люди так не улыбались. Если уж улыбались, то от всего сердца. Таким было первое впечатление Маши от улыбки вежливости. Улыбку вежливости можно считать замечательной, а можно – ужасной. Ее муж улыбался в ответ. Маша не улыбалась.

Ну его в жопу! У нее сейчас нет времени на прошлое. На ее плечах был пансионат! От нее зависели люди. Она впервые начинала курс с периода молчания, но уже знала, что поступает правильно. Молчание подарит ее гостям ясность мышления. Некоторых оно напугает, они будут сопротивляться, будут нарушать молчание то случайно, то намеренно. Парочки будут перешептываться в кровати, но в этом нет ничего страшного. Молчание задаст верный тон, подтолкнет их в нужном направлении. Некоторые из гостей ведут себя так, словно приехали в летний лагерь. Матери семейств счастливы избавиться от ежедневной готовки. Вся эта веселая болтовня. Если двое мужчин корешатся, то можно не сомневаться: они будут нарушать правила.

Когда Маша только открыла «Транквиллум-хаус», она была потрясена, обнаружив, что к калитке в укромном уголке сада доставили огромную мясную пиццу. «Ну что же это такое? – закричала она, до смерти напугав и мальчишку-курьера, и гостя, заказавшего пиццу. – Что тут происходит?»

Она изучила забавные повадки гостей. Теперь она принимала меры предосторожности. Камеры наблюдения повсюду. Регулярный мониторинг. Проверка багажа. И все ради их же блага.

Она повернулась на кресле, подняла одну ногу, прижала лоб к берцовой кости. Она владела своим телом, как десятилетний мальчик, и любила говорить, что ей всего десять лет, потому что приближалась десятая годовщина того дня, когда все и случилось. Остановка сердца. День, когда она умерла, но вернулась к жизни.

Если бы не тот день, она до сих пор жила бы в корпоративном мире, оставалась толстой и вечно издерганной теткой. Она была директором по международным связям интернационального производителя молочных продуктов. Распространяла по всему свету лучший сыр Австралии! Она больше не ела сыра. Она помнила свой кабинет с видом на Сиднейский оперный театр, помнила удовольствие, которое получала прежде, ставя галочку по выполнению операции, формулируя политику совершенствования организации работ, подчиняя своей воле комнату, полную мужчин. Ее жизнь была духовно пустой, но интеллектуально насыщенной. Особенно она любила разработку новых продуктов, любила видеть весь производственный ассортимент компании на столе в зале заседаний: богатство выбора, яркая упаковка. В некотором смысле это было осуществлением ее детских желаний, мечты иметь все то, что она видела в западных каталогах.

Но удовольствие, которое она получала от корпоративной жизни, напоминало улыбку вежливости. В нем не было основы. Ее разум, тело и душа действовали как разные подразделения компании с плохо налаженной коммуникацией. Ее ностальгия по прежней работе была такой же фальшивой, как и нежные мысли о бывшем муже. Воспоминания, к которым ее постоянно возвращал мозг, были похожи на компьютерные глюки. Она должна сосредоточиться. От нее зависели судьбы девяти человек. Девять совершенно незнакомых людей, которые вскоре станут одной семьей.

Она провела пальцем по распечатке с их именами.

Фрэнсис Уэлти

Джессика Чандлер

Бен Чандлер

Хизер Маркони

Наполеон Маркони

Зои Маркони

Тони Хогберн

Кармел Шнейдер

Ларс Ли

Девять незнакомцев, которые сейчас обосновываются в своих номерах, рассматривают дом, нервно перечитывают информационный пакет, пьют фруктовые коктейли, может быть, наслаждаются первыми процедурами в спа. Беспокоятся о том, что их ждет.

Она уже любила их. Любила их самоуверенность, их ненависть к самим себе, их демонстративную неискренность, их привычку шутить, чтобы спрятать свою боль в те моменты, когда ей удастся сломать их скорлупу. На протяжении следующих десяти дней они будут принадлежать ей. Она будет учить их и воспитывать. Делать из них тех людей, какими они могут и должны стать.

Она взяла досье на первого человека в ее списке.

Фрэнсис Уэлти. Возраст пятьдесят два года. На фотографии женщина с красной помадой на губах и бокалом коктейля в руке.

Через руки Маши прошла сотня женщин вроде Фрэнсис. Ее задача состояла в том, чтобы снять наносные слои, под которыми спрятано больное сердце. Они жаждали, чтобы с них сняли эту шелуху, чтобы нашелся человек, которому есть до них дело. Это было нетрудно. Им нанесли травму – мужа, любовники, дети, которым они перестали быть нужны, карьерные разочарования, жизнь, смерть.

Они почти поголовно ненавидели свои тела. Женщины и их тела! Самые оскорбительные и токсичные из отношений. Маша видела женщин, которые щипали себя за складку на животе с такой жестокой ненавистью, что оставались синяки. А тем временем их мужья нежно похлопывали себя по куда большего размера животам даже с некоторой гордостью.

Эти женщины приходили к Маше перекормленные и в то же время плохо питающиеся, с болезненным пристрастием к различным добавкам и химии, издерганные, измученные стрессом, страдающие головными или мышечными болями или проблемами с пищеварением. Исцелить их не составляло труда – покой, свежий воздух, полезные продукты и внимание. Их скулы становились острее, а сами они – откровеннее, разговорчивее и жизнерадостней. Со слезами на глазах они обнимали Машу на прощание и потом еще сигналили из машины. Они присылали благодарственные открытки, нередко с фотографиями, чтобы она видела, как они применяют ее уроки в своей повседневной жизни.

Но проходило два, три, четыре года – и немалая их часть возвращалась в «Транквиллум-хаус» с тем же нездоровым видом, что и при первом приезде, а то и еще хуже. «Я оставила мои утренние медитации», – говорили они с извиняющимся видом, но не слишком извиняющимся; они, казалось, считали, что их промахи естественны, забавны, ожидаемы: «А в следующий раз я вернусь, потому что буду напиваться каждый день». «Я потеряла работу». «Я развелась». «Я попала в аварию». Маша лишь временно возвращала их на путь истинный. А когда случался кризис, они возвращались к своим установкам по умолчанию.

Этого было мало. По крайней мере, для Маши.

Вот почему требовался новый протокол. Не было никакой нужды для странной тревоги, которая не давала ей покоя по ночам. Маша добилась немалых успехов в бизнес-карьере, потому что всегда была готова к рискам, готова мыслить нешаблонно. То же происходило и здесь. Она постучала подушечкой пальца по одутловатому лицу Фрэнсис Уэлти и проверила, какие пункты та выбрала из программы, чего хотела достичь за следующие десять дней: «избавление от стресса», «духовное питание», «расслабление». Любопытно, что она не отметила потерю веса. Видимо, просмотрела. Наверное, она из легкомысленных. Никакого внимания к деталям. Одно было ясно: этой женщине отчаянно требовалось духовное преображение, и Маша даст его ей.

Она открыла следующую папку. Бен и Джессика Чандлер.

На фотографии – привлекательная молодая пара на яхте. Они улыбались, обнажив зубы, но Маша не видела глаз за солнцезащитными очками. Они поместили в анкете консультации по вопросам брака, и Маша была уверена, что поможет им. Их проблемы явно еще свежи, не успели окаменеть за годы ссор и горечи. Любопытно, как ониотреагируют на новый протокол.

Следующий – Ларс Ли. Сорок лет. Он прислал гламурный портрет с корпоративного сайта. Она прекрасно знала гостей такого типа. Такие рассматривали посещение оздоровительного пансионата как часть своего сибаритского режима, что-то вроде стрижки и маникюра. Он не будет пытаться протаскать контрабанду, но будет считать, что неудобные правила не для него. Его реакция на новый протокол будет любопытна.

Кармел Шнейдер. Тридцать девять лет. Мать маленьких детей. Разведенная. Маша посмотрела на фотографию и неодобрительно хмыкнула. Она услышала голос своей матери: «Если женщина не ухаживает за собой, то ее муж ухаживает за другой женщиной». Зачуханная бедняга. Низкая самооценка. Кармел поставила галочки напротив всех пунктов, кроме «консультации по вопросам семьи и секса». Маша прониклась к ней за это теплым чувством. Нет проблем, моя лапочка. С тобой мне будет легко.

Тони Хогберн. Пятьдесят шесть. Тоже разведен. И тоже приехал для того, чтобы сбросить вес. Только этот пункт и отмечен. Он станет ворчливым, а может, и агрессивным, когда его тело, привычное к регулярным порциям допинга, начнет реагировать на перемену образа жизни. За этим потребуетсся наблюдение.

Следующая папка заставила ее нахмуриться.

А вот это, кажется, что-то необычное.

Семья Маркони. Наполеон и Хизер. Обоим по сорок восемь. Дочь Зои, двадцать лет.

Впервые за всю историю «Транквиллум-хауса» места в пансионате забронировала семья. К ней приезжало много пар, матери и дочери, братья, сестры, друзья, но никогда семья, а дочь будет самой молодой гостьей в истории пансионата.

Почему внешне совершенно здоровая двадцатилетняя девушка решила провести десять дней с родителями в лечебном пансионате? Расстройство пищевого поведения? Возможно. По мнению Маши, все они выглядели какими-то недокормленными. Какая-то семейная дисфункция?

Тот, кто заполнял анкету на семейную группу, поставил галочку только против одного пункта – «снятие стресса».

На фотографии, присланной семейством Маркони, были изображены все трое перед рождественской елкой. Это явно было селфи, потому что их головы располагались под забавными углами, чтобы оказаться в кадре. Они все улыбались, но глаза были безжизненными и пустыми.

«А с вами что случилось, мои лапочки?»

Глава 10

ХИЗЕР

С третьим ударом колокола Хизер Маркони почувствовала, как на дом опустилась тишина, словно его накрыли мягким одеялом. Примечательно, насколько эта тишина была ощутима. Хизер ведь и прежде не слышала никаких особенных звуков.

Она как раз вышла из туалета, когда раздался первый удар, гораздо более громкий и требовательный, чем она предполагала. У нее было двоякое отношение к этому абсурдному требованию: молчать, не молчать (если бы они хотели поехать в пансионат молчунов, то прямо туда и поехали бы, огромное вам спасибо), но религиозный звук колокола застал ее врасплох. Игнорировать молчание после этого было бы неуважительно даже в приватной обстановке их собственного номера.

Ее муж сидел на старинном диване в углу, прижимал палец к губам, как школьный учитель, потому что Наполеон и был школьным учителем, любимым учителем в неблагополучном районе, а чтобы проработать двадцать пять лет, преподавая географию норовистым подросткам, и не принести домой некоторые из учительских привычек – такого еще не случалось.

«Не надо на меня шикать, дорогой. Я не твоя ученица. Если мне понадобится, буду говорить», – подумала Хизер. Она посмотрела на него, подмигнула, и Наполеон скосил взгляд, будто ему было что скрывать. Но ему как раз никогда не требовалось ничего скрывать, он был открытая книга, черт возьми, а причина, по которой он отвел глаза, – инструкция, в которой говорилось: «никаких глазных контактов в течение следующих пяти дней», а Наполеон никогда не забывал правил или указаний, даже таких бессмысленных и деспотичных, как это. Какая может быть польза от того, что муж и жена не будут смотреть в глаза друг другу? Но Наполеон строго подчинялся дорожным знакам и безропотно следовал любым бюрократическим установлениям. Для него соблюдать правила означало быть вежливым, проявлять уважение и способствовать сохранению цивилизованного общества.

Она разглядывала его, облаченного в слишком короткий халат, закинувшего одну волосатую ногу на другую. Словно супермодель, приглашенная на ток-шоу. Его два старших брата, упитанные приземистые крепыши, донимали его за эту женскую манеру, но он только улыбался и показывал им палец.

Волосы у него все еще были мокрые после посещения горячего источника и плавания в бассейне.

Горячие источники находились неподалеку от дома, нужно было лишь выйти через заднюю дверь и пройти по дорожке, щедро обставленной указателями. Возле источников было пусто. Они нашли Тайный грот, представлявший собой каменистую чашу в тени, едва вместившую их троих. Они устроились полукругом и наслаждались ландшафтом. Хизер и Зои слушали бесконечные рассказы Наполеона о том, как минералы в воде способствуют улучшению кровообращения, снижают уровень стресса и так далее и тому подобное; она не помнила толком, что он еще наговорил. Бесконечный монолог Наполеона был привычным фоном ее жизни, словно постоянно включенное радио. Лишь отдельные фразы доходили до подсознания. Его явно встревожила мысль о предстоящем пятидневном молчании, а потому он говорил даже быстрее обычного, без остановок, его голос бесконечно булькал, как булькала вокруг пенистая, теплая, пахнущая серой вода.

– Детка, конечно, я смогу пять дней не открывать рта! – заверил он Зои, которая с искренней озабоченностью на красивом лице смотрела на отца. – Если ты сможешь обойтись без своего телефона, а твоя мать без кофеина, то и я смогу обойтись без разговоров!

Потом они втроем охлаждались в бассейне: прохладная голубая хлорированная вода после горячего источника казалась просто волшебной. Хизер наблюдала за Зои, которая пыталась обогнать отца: он плыл баттерфляем, она свободным стилем, получив пятисекундную фору. Он выиграл, хотя и не хотел выигрывать, но не умел притворяться, как это случалось, когда она была маленькой. Потом они сели у бассейна, и Зои рассказала им забавную историю о своих университетских преподавателях. Хизер не очень понимала, что тут смешного, но по лицу дочери видела, что история должна быть смешной, так что смеяться было легко. Это был один из редких и особых моментов счастья. Хизер знала: они все трое отметили это, и надеялась, что это предзнаменование чего-то хорошего.

А теперь им предстояло пять дней не открывать рта.

Хизер вдруг почувствовала ужасное раздражение – а может, ее тело просто требовало макияжа, – потому что этот так называемый отдых не должен был превращаться в страдание. Наверняка было множество других пансионатов, предлагавших такую же идиллическую обстановку, но без всяких драконовских унижений. Ни одному из них не требовалось похудания. Проблема лишнего веса не стояла перед Хизер! Она взвешивалась каждое утро ровно в шесть часов и, если видела, что стрелочка уходит не в том направлении, регулировала свою диету. Ее индекс массы тела находился в категории «ниже нормы». Но только на килограмм. Она всегда была стройной. Зои иногда обвиняла Хизер, что у нее расстройство пищевого поведения, потому что она всегда так разборчива в еде. Она не тянула в рот что ни попадя, в отличие от Наполеона, который как пылесос глотал все без разбору.

Наполеон встал. Положил свой чемодан на кровать, расстегнул молнию, извлек из него аккуратно сложенную футболку, пару шорт и несколько трусов. Он собирался как солдат, чей вещмешок будет обследовать сержант. Он снял халат и остался в своем тощем, белом, волосатом, обнаженном великолепии.

Из-за нехарактерного для него молчания муж вдруг показался ей незнакомцем.

Когда он натягивал на себя футболку, мышцы на его спине двигались согласованно, как у какой-нибудь сложной механической машины. Рост Наполеона и его занудное поведение были прикрытием его сексуальности.

В первый раз, когда они занимались сексом много лет назад, Хизер думала про себя: ну и ну, какой сюрприз. Кто бы мог сказать, что парень вроде Наполеона знает толк в таких делах. Он ей очень понравился, был нежен, забавен, внимателен, но она подспудно думала, что спать с ним будет все равно что убирать улицы. Секс предполагался вежливый, дружеский, «огромное спасибо за обед и кино с Кевином Костнером», а не секс, от которого срывает крышу. Она знала, что воспоминания Наполеона об их первом свидании не похожи на ее. Его воспоминания были цельными, приятными и корректными, как и полагается воспоминаниям о первом свидании будущих супругов.

Наполеон застегнул шорты и ремень. Он раздражающе быстрым, энергичным движением продел коричневую кожу через серебряную металлическую пряжку. Вероятно, чувствовал ее взгляд на себе; он был полон решимости выполнять эти идиотские правила, несмотря ни на что. Он был таким хорошим человеком, его долбаная идеальность лезла из всех его долбанных дыр!

Ярость овладела ею с силой и неодолимостью родовых схваток. Спрятаться от этого чувства было невозможно. Она представляла себе, как бьет его в лицо кулаком, крушит его скулы, как бриллианты на ее обручальном кольце рвут его кожу снова, и снова, и снова, как капает кровь. Ярость налетела на нее как вихрь. Ей пришлось прижать носки к полу, чтобы не броситься на Наполеона, когда он застегивал сумку, которую поставил на пол в углу комнаты, где никто не мог о нее споткнуться.

Она впиалась взглядом в обои, где был вырван небольшой кусочек, островок, и несколько раз вдохнула и выдохнула по методу, который преподавала своим подопечным на курсах будущих матерей: вдох, вдох, выдох, хи-хи-хо, вдох-вдох-выдох.

Наполеон пересек комнату и вышел на балкон. Он встал, расставив ноги, ухватившись руками за перила, словно находился на палубе корабля в шторм.

Ярость чуть ослабла, потом еще, а потом совсем исчезла.

Готово. Она снова преодолела это. Ничего не заметивший объект ее ярости наклонил голову, обнажая беззащитную белую шею. Он ничего никогда не узнает. Он пришел бы в ужас и был бы очень глубоко ранен, если бы узнал о неистовстве ее тайных мыслей.

Хизер почувствовала слабость. Во рту появился вкус горечи. Ее словно вырвало.

Она открыла собственный чемодан, вытащила шорты и майку. Позже, после медитации, ей потребуется пробежка. Она не будет чувствовать облегчения после часа сосредоточения на дыхании – она будет на грани безумия.

Приезд сюда был ошибкой. Дорогостоящей ошибкой. Им следовало поехать в большой близкий отель.

Яростным рывком она затянула шнурки на своих кроссовках и открыла рот, собираясь заговорить. Она определенно собиралась говорить. В молчании не было никакой нужды. Они не будут говорить в присутствии других гостей, но с какой стати хранить это неловкое, странное, нездоровое молчание в стенах их собственного номера.

А бедняжка Зои – одна и с закрытым ртом в соседней комнате? Хизер и Наполеон впадали в панику, если она слишком долго оставалась одна в своей спальне дома, что случалось часто: ей двадцать лет и нужно готовиться к занятиям. Если из ее комнаты некоторое время не доносилось ни звука, кто-нибудь из них находил предлог войти и проверить, что с ней. Она никогда не жаловалась и никогда не запирала дверь. Но в «Транквиллум-хаусе» не было семейных номеров. Им пришлось забронировать для нее отдельную комнату.

Зои сказала, что ее это устраивает. Она постоянно заверяла их, что ее все устраивает, что она счастлива; она понимала их потребность в таких заверениях. Но она так много работала в последний год, слишком много, мрачно стучала по клавиатуре своего компьютера, словно степень по теории массовых коммуникаций была вопросом жизни и смерти, она заслужила отдых.

Хизер посмотрела на стену, отделявшую их комнату от комнаты дочери, и пожалела, что не может видеть, чем занята Зои. Телефона у нее не было. Двадцатилетним телефон необходим постоянно. Зои становилось не по себе, когда зарядка аккумулятора падала ниже восьмидесяти процентов.

Нельзя так рисковать душевным здоровьем ребенка. Зои стала спать одна, только когда ей перевалило за десять.

Она когда-нибудь прежде останавливалась одна в отеле?

Никогда. Зои ездила на каникулы с подружками, но они никогда не селились поодиночке. По крайней мере, так думала Хизер.

Она порвала со своим бойфрендом, а теперь одна в своей комнате, а с ней только ее мысли.

Бог мой! Сердце Хизер неслось вскачь. Она знала, что преувеличивает. Зои – взрослый человек. Все с ней в порядке.

Наполеон вернулся с балкона, перехватил ее взгляд и снова опустил глаза. Хизер почувствовала, как скрежещут ее зубы. Он будет так разочарован в ней, если она заговорит, не выдержав и пяти минут благородного молчания.

Господи Иисусе, это оказалось неожиданно трудным делом! Она не понимала, какое отвлечение предоставляет ей Наполеон своей бесконечной болтовней. Какая это будет ирония судьбы, если окажется, что молчание не по плечу вовсе не ему, а ей.

Им не требовалось молчания, или голодания, или детоксикации. Им требовалась передышка от января. В прошлом январе они оставались дома, и это было катастрофой. Даже похуже той, что произошла за год до этого. Январь казался ей когтистым хищником со злыми глазами, который будет вечно терзать ее маленькую семью.

– Может, уедем на этот раз, – предложил Наполеон несколько месяцев назад. – В какое-нибудь тихое, спокойное место.

– Вроде монастыря, – сказала Зои, но потом ее глаза оживились. – Ой, я знаю – поедem в какой-нибудь лечебный пансионат! Мы понизим папе холестерин.

Школа, в которой преподавал Наполеон, предлагала всему учительскому персоналу бесплатную диспансеризацию в июне, и Наполеону сказали, что у него высокий уровень холестерина, да и давление вызывает беспокойство; то, что он занимается физическими упражнениями, – это здорово, но ему нужно коренным образом поменять диету.

И Хизер набрала в «Гугле» «лечебный пансионат».

«Вам требуется серьезное оздоровление организма?»

Такой была первая строчка на домашней странице сайта «Транквиллум-хауса».

– Да, – тихо ответила Хизер монитору компьютера. – Да, требуется.

Казалось, что «Транквиллум-хаус» предлагает свои услуги людям более высокого социального и экономического статуса, чем можно достичь с жалованьем школьного учителя и акушерки, но в последний раз они толком отдыхали много лет назад, и полученное Наполеоном наследство от деда лежало на срочном вкладе. Они могли позволить себе отдых. Ничего другого они не хотели, ничего другого им не требовалось.

– Ты уверена, что хочешь торчать с родителями в лечебном пансионате целых десять дней? – спросила она у Зои.

Зои пожалала плечами и улыбнулась:

– Я хочу проспать все десять дней. Ужасно устала.

Нормальная двадцатилетняя девушка не должна проводить такую большую часть летних каникул с родителями. Значит, Зои не была нормальной двадцатилетней девушкой.

Хизер кликнула по ссылке «забронировать сейчас» и тут же пожалела об этом. Странно бывает: вот тебе кажется что-то таким привлекательным, и вдруг через минуту, когда ты решаешься на покупку, вся привлекательность совершенно пропадает. Но отступать было поздно. Деньги назад не возвращались. Хотели они теперь того или нет, им предстояло десятидневное «очищение».

Она целыми днями занималась самобичеванием. Никакого «преображения» им не требуется. С их телами все в порядке. О них всегда все говорили, что они фанатики физических упражнений. Это место не подходит для Маркони, это место для женщин вроде той, которую Наполеон заболтал на лестнице. Как ее зовут? Фрэнсис. На нее посмотришь – сразу видно: ее жизнь – сплошные ланчи, косметические процедуры и работа мужа.

Она показалась Хизер туманно знакомой, вероятно, потому, что она, Хизер, знала много таких женщин: зажиточные дамочки средних лет, которые ни дня не работали после рождения первого ребенка. Нет, она ничего не имела против них, Хизер они нравились. Она просто не могла слишком долго находиться в их обществе – ее начинала одолевать ярость. Жизнь не оставляла на них ни единой царапинки. Единственное, о чем им приходилось беспокоиться, – это фигура, которой такое количество ланчей не шло на пользу. Поэтому им и требовалось приезжать в места вроде этого, чтобы «перезарядиться» и услышать от специалистов ошеломляющую новость, что если они будут меньше есть и больше двигаться, то потеряют избыточный вес и станут лучше себя чувствовать.

Когда период молчания закончится и им будет позволено говорить, Наполеон и Фрэнсис затрещат, как горящий дом. Наполеон с искренним интересом будет слушать, как скромно хва-

стается Фрэнсис своими детьми, которые учатся в Гарварде или Оксфорде или, взяв академический год, путешествуют по Европе, где, кажется, посещают ночные клубы чаще, чем музеи.

Хизер лениво подумала, не посоветовать ли ей Наполеону использовать возможность и завести роман, пока они здесь. Вероятно, бедняга жаждет секса, и пышногрудая Фрэнсис была бы отличным выбором.

Хизер помнила точную дату, когда они с мужем занимались сексом в последний раз. Три года назад. Если бы она знала, что это последний секс в ее жизни, то, возможно, дала бы себе труд запомнить и подробности. Она не сомневалась, что секс был хорош. Он почти всегда был хорош. Просто перестал быть возможным. Для Хизер.

Она сидела на краю кровати. Наполеон подошел и сел рядом. Она чувствовала тепло его тела поблизости, но их тела не соприкасались, словно подчиняясь правилам.

Они ждали Зои, которая должна была постучать в их дверь, когда примет душ. Так они договорились. Потом они молча, вдвоем, дождутся колокола и вместе спустятся на первую медитацию с инструктором.

С Зои все в порядке. Конечно же. Она хорошая девочка. Будет делать то, что ей сказано. Она всегда так поступала. Она очень старалась быть для них всем, а они тем временем очень старались делать вид, что она не единственный их интерес в жизни.

Хизер почувствовала укол скорби, острый, как меч самурая. Она поднесла руку к горлу, и из ее рта вырвался тихий мышинный писк.

– Постарайся это пережить, детка, – пробормотал Наполеон.

Он говорил так тихо – почти шептал. Не глядя ей в глаза, он взял ее руку в свои теплые ладони, нарушая ради нее свои ненаглядные правила.

Она вцепилась в его руку, ее пальцы ощутили канавки между его костяшками – так роже-ница хватается за руку мужа, когда боль пытается унести ее прочь.

Глава 11

ФРЭНСИС

Раздался звук колокола, приглашающий на первую медитацию под руководством инструктора. Фрэнсис открыла дверь своей комнаты одновременно с соседями, Джессикой и Беном. Никто не произнес ни слова, и это показалось Фрэнсис почти невыносимым. Идя по коридору к лестнице, все тщательно старались не встретиться взглядами.

На Бене была та же одежда, что и прежде, а Джессика переоделась в костюм для йоги, который туго обтягивал тело, демонстрируя такую великолепную фигуру, что Фрэнсис хотелось поздравить ее: усилия Джессики явно не пропали даром. Чтобы выглядеть так, потребовалось немало денег и силикона, и все же бедняжка не вышагивала уверенной походкой, как того заслуживала, она скорее делала суетливые шажки, ссутулив плечи, словно пыталась остаться незамеченной.

Бен же шел скованной обреченной походкой человека, уводимого в тюрьму за преступление, в котором он признался. Фрэнсис хотелось отвести их обоих в бар, угостить арахисом, сангрией и выслушать истории их жизней.

И с чего это ей в голову пришла сангрия? Она сто лет не пила сангрию. Ее мозг словно наугад выкидывал предложения всевозможных блюд и напитков, которые будут недоступны в течение следующих десяти дней.

Впереди них по лестнице шел разговорчивый гигант Наполеон с семьей. Мать звали Хизер. Хизер – играю мизер. Дочку – Зои – сотрясем устои. Отлично, Фрэнсис, ты гений! Хотя толку в ее превосходном способе запоминать имена? Она же не на коктейле. Ей даже смотреть на них запрещается.

Наполеон шел как-то странно: голова наклонена, как у монаха, ноги поднимаются и опускаются с мучительной медлительностью, словно он притворяется космонавтом. Фрэнсис растерялась на мгновение, потом вспомнила инструкции о том, что во время молчания нужно ходить медленно и вдумчиво. Она замедлила шаг и увидела, как Джессика коснулась руки Бена, давая ему понять, чтобы он вел себя так же.

Все шестеро спускались осторожным шагом, медленно переставляя ногу с пятки на носок, и Фрэнсис пыталась не обращать внимания на абсурд происходящего. Начни она смеяться, смех перешел бы в истерику. Голова немного кружилась от голода. С того момента, когда она облизала обертку «Кит Ката», прошло несколько часов.

Все невольно повторяли движения Наполеона как самого осторожного ходока. Вслед за ним все медленно прошеествовали по дому, а потом так же медленно спустились по лестнице в прохладную темную студию йоги и медитации.

Фрэнсис заняла место на одном из голубых ковриков в дальнем углу помещения и попыталась принять позу, в которой застыли, подавая пример, два консультанта по велнесу. Они напоминали наблюдателей на школьных экзаменах, с той разницей, что их ноги были сложены, как оригами, руки покоились на коленях, пальцы касались кончиками друг друга, а на гладких, безмятежных лицах застыли раздражающие улыбки.

Она снова обратила внимание на большой телевизионный экран и спросила себя, не спускались ли сюда потихоньку впавшие в отчаяние гости в пижамах, чтобы посмотреть поздний выпуск новостей, хотя пульта Фрэнсис нигде не видела.

Она постаралась устроиться поудобнее и в этот момент зафиксировала легкое, но заметное улучшение в пояснице после массажа. Боль оставалась, но ощущение было такое, что один из множества болтов, ввинченных в ее спину, немного ослабили.

Она шмыгнула носом. Из того давнего курса она поняла, что медитация главным образом заключается в правильном дыхании, а она сейчас вообще не могла дышать. Остальные будут думать о ней как о действующей на нервы сопливой даме в задней части комнаты, она неизбежно заснет, а потом, резко вздрогнув и громко всхрапнув, проснется.

Почему она не отправилась в какой-нибудь круиз?

Фрэнсис вздохнула, оглядела комнату – нет ли гостей, с которыми она еще не знакома. Справа от себя она увидела мужчину приблизительно ее возраста с бледным унылым лицом. Он сидел на своем коврикe, выставив перед собой прямые ноги, нянча свой обстоятельный, покоящийся на коленях живот, словно ребенка, которого ему всучили без его согласия. Фрэнсис доброжелательно улыбнулась. Приятно было увидеть человека, которому по-настоящему требовался лечебный пансионат.

Он встретился с ней глазами.

Погоди-ка. Нет. Пожалуйста, нет. Она почувствовала неприятный холодок в животе. Этот человек остановился на обочине, он видел, как она кричала, давила на кнопку гудка как сумасшедшая. С ним она свободно обсуждала симптомы менопаузы. *Серийный убийца в отпуске.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.